

АДМИРАЛЪ ИЗ БУДУЩЕГО

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*
Царьград наш!



Вячеслав КОРОТИН

Вячеслав Коротин
**Адмиралъ из будущего.
Царьград наш!**

«Махров»

2015

Коротин В. Ю.

Адмиралъ из будущего. Царьград наш! / В. Ю. Коротин —
«Махров», 2015

1914 год. Тайно переброшенные на помощь туркам германские крейсера «Гебен» и «Бреслау» застают русский флот врасплох, разом изменив расклад сил на Черном море и предопределив поражение России. Так было в текущей реальности... Смогут ли «попаданцы» из будущего переломить ход истории? Как им загнать в ловушку и потопить чертов «Гебен»? Удастся ли нашим современникам под личинами адмиралов Колчака и Эбергарда воплотить в жизнь Босфорскую десантную операцию, чтобы русский военный марш на стихи Пушкина «Победой прославлено имя твое, Твой щит на вратах Цареграда» стал явью? Будет ли Царьград нашим? «Так громче, музыка, играй победу!»

© Коротин В. Ю., 2015

© Махров, 2015

Содержание

Глава 1. Приносящий войну	6
Глава 2. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке	8
Глава 3. С новым телом!	10
Глава 4. Дела сердечные	15
Глава 5. Ждем-с!	21
Глава 6. Ну, понеслось!...	22
Глава 7. Дебюты бывают разные...	25
Глава 8. И прочие «неприятности»...	32
Глава 9. Похмелье после драки	34
Глава 10. А в это время...	37
Глава 11. Это наше море!	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вячеслав Коротин

Адмиралъ из будущего. Царьград наш!

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *А. Заикина*

© Коротин В.Ю., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1. Приносящий войну

Синие волны Черного моря покорно расступались перед форштевнем самого грозного в этих водах корабля и, казалось, хотели поскорее убежать с его пути.

Линейный крейсер «Гебен» на восемнадцати узлах спокойно приближался к Севастополю.

Вернее, теперь он официально назывался «Явуз Султан Селим», но по сути своей оставался германским кораблем: экипаж может надеть фески, но турками германцы от этого не станут, на гафель можно поднять флаг с полумесяцем, но «Гебен» все равно останется «Гебеном».

Но это все вторично: прорвавшись из Германии в Стамбул, контр-адмирал Вильгельм Антон Сушон просто за шиворот втащил сомневающуюся Турцию в мировую бойню на стороне Центральных Держав.

Теперь следовало как можно скорее лишить своих потенциальных союзников путей к отступлению. К Одессе отправились миноносцы, чтобы атаковать находящийся там плавучий хлам под Андреевским флагом, к Новороссийску поспешили легкий крейсер «Бреслау» и минный крейсер «Берк», крейсер «Гамидие» атаковал Феодосию, а сам «Гебен», под флагом Сушона, готовился обстрелять главную базу Черноморского флота России – Севастополь.

Причем опасаться практически нечего: имея бортовой залп, превосходящий три тонны, «Гебен» мог совершенно не опасаться линейных сил Черноморского флота, даже если встретит три из пяти броненосцев русских. А если все пять – имея около десяти узлов преимущества в ходе – уйти более чем легко.

– Рихард, – обратился адмирал к командиру корабля, – постарайтесь, чтобы с рассветом мы были милях в двадцати-тридцати южнее главной базы русских, не ближе. А то есть риск вылететь в темноте под прямую наводку их береговых батарей.

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство. – Капитан цур зее Аккерман даже слегка обиделся на то, что Сушон мог заподозрить его в недальновидности. – «Гебен» встретит восход в полусотне миль от Севастополя.

– Замечательно! Надеюсь, что у Мадлунга¹ в Одессе все пройдет как надо и он там пощиплет перышки у русских петушков. А с утра и мы атакуем главную базу России на этом море. Я не позволю ни Энвер-паше, ни самому султану дать задний ход и отказаться от участия в войне. Десятки русских дивизий останутся на Кавказе и не смогут присоединиться к своим основным силам на западной границе.

– Всецело разделяю ваши надежды, господин адмирал, – вежливо и уверенно кивнул командир крейсера. – Думаю даже, что если и не в этом году, но в следующем станет вполне возможной десантная операция на проклятую крымскую бородавку.

После наших побед Болгария, а возможно и Румыния, поспешат присоединиться к Центральным Державам.

– Ну-ну, не будем загадывать так далеко, Рихард. Сначала сделаем то, что задумали. Я, пожалуй, уже отправлюсь к себе. Выдался редкий случай поспать хотя бы шесть-семь часов. Вам тоже советую отдохнуть перед завтрашним утром.

– Не премину воспользоваться вашим советом, господин адмирал, но несколько позже.

– Спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

¹ Фрегатен-капитан Мадлунг – старший офицер «Гебена», которому было поручено возглавить атаку на Одессу силами двух миноносцев: «Муавенет» и «Гайрет».

Спокойная ночь упала на Черное море. К берегам Крыма неумолимо продолжала приближаться громада стали и смерти, рожденная чуть более двух лет назад на верфи «Блом унд Фосс».

«Гебен» являлся действительно самым совершенным и грозным кораблем не только на Черном море, но и на всем театре военных действий вообще: даже средиземноморские эскадры англичан, французов, австрийцев или итальянцев не имели в своем составе корабля, который смог бы соперничать с немецким линейным крейсером. Тот либо легко уходил от всех, кто имел более мощную артиллерию, либо беспощадно громил своими снарядами тех, кто осмелится его догнать... Очень немалыми снарядами – без малого по триста килограммов каждый. В десять стволов.

Конечно, после погони в Средиземном море, когда на хвосте висели два линейных крейсера Владычицы морей, «Индомитебл» и «Инфлексибл»...

Связываться с этой парой, именно «парой», было опасно. Срубившись один на один с любым из них, флагман адмирала Сушона не сильно рисковал, но от двоих приходилось удиравать. Во все лопатки. Тем более что основные силы противника поддерживали броненосные крейсера адмирала Трубиджа. Четыре штуки...

Такие гонки не проходят бесследно даже для самого совершенного корабля, особенно для его механизмов. «Гебен», конечно, уже не мог выжимать те двадцать восемь узлов, что показал на испытаниях, но, при необходимости, двадцать четыре выдал бы несомненно.

Хотя на черноморском театре даже это совершенно излишняя роскошь – уйти от шестнадцатиузловых русских броненосцев можно всегда и везде, догнать и уничтожить их бронепалубники, которые еле выдают двадцать один узел, – легко и непринужденно.

В общем: «Трепещите – пришел «Хозяин моря»!»

Погода с утра не очень способствовала точности выхода на запланированную цель – флагман адмирала Сушона слегка промахнулся, вышел несколько севернее Севастополя. И к точке обстрела порта пришлось приближаться под беспорядочным огнем береговых батарей.

«Гебен» немедленно открыл ответный огонь из орудий главного и среднего калибров. До входа в Северную бухту было всего сорок кабельтовых.

Ничего серьезного: несколько снарядов угодило в район госпиталя, несколько – в угольные склады...

Разрушений особых не случилось, а число убитых исчислялось даже не десятками.

Зато с батареей агрессор заполучил три снаряда. Осколки одного из них проникли в кочегарку и вывели из строя один котел...

... – Замкнуть цепь!

Рубильники привели в полную боевую готовность крепостное минное ограждение.

Мириады электронов замерли «на низком старте», готовые рвануться по проводам во взрыватели морских мин, как только их посмеет побеспокоить своим днищем вражеский корабль. И тогда семьдесят пять килограммов пироксилина немедленно, в тысячные доли секунды, превратятся в раскаленный, рвущийся за пределы корпуса мины газ и ударят в подвздошину наглеца, посмевавшего влезть на охраняемую акваторию...

«Гебен» встряхнуло взрывом...

Глава 2. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке

– Следующая остановка «Улица Менделеева», конечная, – приятным женским голосом пропело в салоне троллейбуса.

Стало быть, на следующей...

Андрей никогда не бывал в этом районе, хотя и родился именно в Калининграде. Но сюда, на окраину, ни разу не заносило.

А приятный райончик: Андрей шагнул со ступеньки и невольно залюбовался буйством зелени на отшибе древнего города. А еще впечатляли особняки, что отстроили здесь и именно здесь те, кто мог себе подобное позволить.

– Простите, а где улица Сержанта Мишина? – протопав энное количество метров, обратился Юрий на перекрестке к проходящей мимо женщине.

– Да вы на ней и стоите. Какой номер нужен?

– Двадцать девять А.

– Тогда вперед, в горку. Где-то с полкилометра будет.

Испугать Андрея Николаевича Киселева пешими прогулками было нельзя – в походах, с рюкзаком за плечами и по сорок километров в день отмахивали. Причем не по тротуару...

А тут приятный тенок среди августовской жары, красивые дома, сады вокруг них...

Единственно непонятно: за каким чертом заказчику статьи потребовались личная встреча и распечатанный на бумаге текст?

Не могли, что ли, по Интернету его получить? И там же расплатиться.

Так нет: вынь да положь им «бумагу», да еще лично доставленную. Хотя...

Может, это какие-то перспективы?..

Желтый двухэтажный дом. Не то чтобы роскошный, но солидный.

На воротах натуральный представитель охраны очень даже серьезных людей: ни разу не «пельмень», сухошав, но сила чувствуется та еще.

Пара слов в рацию, и открылась «зеленая улица» – Киселева проводили на второй этаж и оставили перед дверью. Явно, что в кабинет.

– Прошу вас! – Дверь открыла женщина весьма нетривиальной наружности. В хорошем смысле нетривиальной: невысокая, миниатюрная... Нет, не то! Изящная.

С копной прекрасно лежащих русых волос. Носик заметный, с легкой горбинкой, но очень гармонично вписывающийся в точеное лицо. Натуральная «аристократка ранних времен».

Более представительную секретаршу Андрей себе и представить не мог.

Оказалось, не секретарша:

– Рада познакомиться с вами лично, уважаемый Андрей Николаевич. Присаживайтесь. – Женщина приглашающе указала на кресло.

– Благодарю вас... – Вопросительный взгляд.

– Ольга.

– Очень приятно. Да! Статья, – Андрей поспешил протянуть собеседнице несколько листов, сложенных в прозрачный конверт.

– Спасибо! Поскучайте с десятков минут, пока я читаю. Сейчас принесут кофе. Или чай предпочитаете?

– Вы очень любезны. Кофе, если можно.

– Пара минут. – Хозяйка кабинета углубилась в чтение и, казалось, забыла о госте, однако буквально через минуту дверь распахнулась и одетый по самым шикарным «лордским» меркам парень вкатил в кабинет столик...

Мать-перемать: и чайник, и кофейник, и блюда с бутербродами... со всем, что можно представить: от «просто с маслом» до «с серой икрой».

А дама даже ресницами не взмахнула в сторону прислуги.

– Угощайтесь, пожалуйста, – только и бросила она гостю.

Андрей дожевывал уже третий бутерброд с белужьей икрой, запивая эту «снесь богов» восхитительным кофе, когда Ольга, наконец, подняла на него глаза:

– Мы не ошиблись в вас, статья очень хороша. Это именно то, что мы и ожидали. Спасибо!

– Благодарю за лестную оценку.

– Я поняла вашу напряженность: вы ведь ко мне не только за лестной оценкой ехали. Прошу! – Женщина протянула конверт, глядя на разбухшесть которого, можно было подумать, что он набит десятирублевыми купюрами.

Сгорая от стыда, но не в силах удержаться, Андрей приоткрыл конверт и слегка ошалел. Даже не слегка: верхняя денюжка оказалась номиналом в сто евро. Остальные, судя по всему, от нее не отличались.

– Сколько тут? – Пересохший в мгновение ока язык едва ворочался в пересохшей же ротовой полости.

– Десять тысяч. Вас что-то не устраивает?

– Но за статью столь скромного объема... – Андрей стал ощущать, что у него кружится голова. Кажется, что если бы не сидел в кресле, то почти наверняка рухнул на пол.

– Так здесь еще и аванс, с предложением... – Голос собеседницы доносился словно сквозь вату, перед глазами поплыло... Темнота...

– Как клев, Андрей Августович? – раздалось со спины.

Андрей испуганно обернулся – он был уверен, что находится на берегу абсолютно один, а бесшумно спуститься по склонам к этой бухточке было совершенно нереально.

Метрах в десяти спокойно стоял мужчина неприметной внешности в шортах и красной футболке.

– Вы обознались, уважаемый. Меня действительно зовут Андрей, но никак не Августович. И я вас не знаю.

Но визитер нимало не смутился, увидев лицо собеседника. Напротив, он доброжелательно улыбнулся и подошел поближе.

– Ни в коем случае. Андрей Николаевич Киселев еще не родился. А на планете август тысяча девятьсот четырнадцатого года. Вы – командующий Черноморским флотом Андрей Августович Эбергард. И ничего с этим не поделаешь.

Так! Из психушки сбежал, или это какая-то дурацкая шутка?

– Ни то, ни другое, – тут же ответил на мысли Андрея собеседник. – Попробуйте ответить себе на такой простой вопрос: как вы оказались на берегу Черного моря?

Когда приехали из Калининграда? Где тут живете? Как добрались до этой бухты?

Вот черт! А ведь точно. Ни на один вопрос Киселев не мог найти ответа... Гипноз какой-то.

– Не гипноз – сон, – спокойно и слегка грустно произнес мужчина. – Именно сейчас – сон. А проснетесь вы адмиралом Эбергардом. И это будет уже реальность. Навсегда.

Я здесь предупредить вас, чтобы глупостей каких-нибудь в шоке не наделали. Сны обычно забываются, но этот вы запомните во всех подробностях, обещаю.

Всего сразу не скажешь, но мы еще встретимся. Во сне. Тогда поговорим подробнее. А сейчас – вам пора.

Глава 3. С новым телом!

Ощущения были как после длительной рыбалки с лодки: вроде и на кровати лежишь, а все равно кажется, что качает. Солнечный луч всю щеку веки, но открывать их категорически не хотелось. Но придется – спать не хочется, да и...

– Елки! Чего это я отрубился-то? – Киселев вспомнил последние события, и остатки сна немедленно слетели.

Андрей сел на кровати и открыл глаза. Помещение, разумеется, незнакомое: небольшая спальня, причем обставлена в смешении стилей ретро и «марине», если можно так сказать – одно окно в форме иллюминатора чего стоило. Оригинальный народец все-таки в этом домике проживает...

Андрей подошел к окну и выглянул наружу.

Волны. Горизонт. Корабль. Военный...

Не может быть! Ошибиться невозможно – крейсер типа «Богатырь»...

Шиза какая-то!

Щелк!.. Вспомнился сегодняшний сон. Весь. Сразу.

– Бред! – Андрей метнулся к зеркалу, из которого на него глянуло лицо незнакомого пожилого человека.

Киселев-Эбергард отступил от отражения медленно, поэтому кровать не ударила его под колени, а вежливо толкнула, в результате получилось присесть на нее, а не грохнуться.

Статья про альтернативные возможности протекания Великой войны на черноморском театре... Бешеный гонорар... Потеря сознания... Сон...

Рассудок отказывался верить. Рассудок не мог отвергать факты.

Щипать себя глупо и бесполезно – Андрей понял, что вокруг реальность. Пока еще не принял – принять такое за минуты невозможно, сознание будет бунтовать против такой фантазмагии еще долго, но то, что влип конкретно, уже можно не сомневаться.

И что теперь?..

В дверь постучали.

– Войдите! – на полном автомате крикнул адмирал.

– Здравия желаю вашему превосходительству! – донеслось из обеденного зала.

Память Эбергарда услужливо подсказала: вестовой Антон Лысухин.

– Завтрак подавать, ваше превосходительство?

– Через десять минут. – Подкрепиться следует в любом случае.

– Есть! – Дверь в адмиральские апартаменты хлопнула.

Ладно, в салоне все равно не отсидеться. Нужно приводить себя в порядок и нырять в этот не очень-то знакомый мир. Набирать информацию и соображать, что с ней делать. Порефлексовать можно будет позже.

Традиционные утренние дела – благо что при адмиральской спальне имелся и санузел. Совмещенный, конечно.

Сознание прежнего хозяина тела по первому требованию сообщало, где что лежит-висит, и к моменту появления Лысухина с подносом командующий флотом выглядел в полном соответствии с занимаемой должностью. Ленточка на бескозырке матроса свидетельствовала, что все происходит, как и ожидалось, на борту штабного корабля Черноморского флота старого броненосца «Георгий Победоносец».

Завтрак оказался скромным, но вполне добротным: каша с маслом, два яйца всмятку и кофе со свежеспеченными булочками.

Двадцать минут ушло на трапезу, а после этого организм потребовал традиционную дозу никотина. Сигарет не имелось, но в правом кармане кителя нашелся серебряный портсигар с папиросами.

Кормового балкона на броненосце, к сожалению, не было, и пришлось курить в открытый иллюминатор. Курить и продолжать собираться с мыслями.

Итак: зашвырнуло меня сюда всерьез и надолго. И сделали это «кукловоды» чертовы с вполне определенной целью. Причем если учитывать личность, в которую произошло вселение, то почти наверняка требуется изменить как минимум ход боевых действий на черноморском театре, а может, и вообще течение всей Великой войны.

Зачем они все это затеяли, гадать пока нечего, будем надеяться, что с разъяснениями заявятся ко мне этой же ночью.

Если это так, то что можно сделать? Теперь понятно, что статья о «Севастопольской побудке» и ее возможных вариантах была заказана не случайно, – Андрей уже нисколько не сомневался, что переброс его личности в тело адмирала дело рук очаровательной Ольги и иже с ней.

Ребята решили максимально подготовить «пациента», заставив досконально изучить события в нужное время в нужных местах. Чувствовать себя марионеткой в чужих руках архинеприятно, но нет никакой возможности оказать разумное сопротивление. И саботажем заниматься глупо – теперь это мой мир и вести себя по принципу «назло кондуктору куплю билет, но пойду пешком» нерационально.

Но никаких активных действий предпринимать в ближайшие два месяца нельзя. По двум причинам: во-первых, имеется прямой запрет Петербурга, который всеми силами старается оттянуть вступление Турции в войну, а во-вторых, известны дата атаки, атакуемые базы и силы, которые адмирал Сушон для этого задействует. А кто предупрежден – тот вооружен...

Так что, как ни странно, нужно обеспечить именно спокойное течение истории вплоть до «дня ИКС», чтобы ненароком «бабочку не раздавить». Необходимо, чтобы «Гебен» в то самое утро опять устроил танцы на минном заграждении, но теперь ток к ним будет подключен. Будет!

«Прут» придержим в Ялте, а в Феодосию отправим пару подлодок для организации теплого приема «Гамидие». Жаль, что «моржи» еще не будут боеготовы, тогда и «Бреслау» под Новороссийском можно было бы попытаться приласкать, а старые «нырялки», к сожалению, туда сами не дойдут. Но какую-нибудь пакость немецким туркам и там устроить стоит.

А пока – никаких резких телодвижений, исключительно сплавывать флот и отрабатывать стрельбу эскадры. Но тоже без фанатизма, чтобы стволы излишне не расстрелять...

Ладно. Пора наверх.

Теплый и влажный воздух Крыма, казалось, можно было нарезать ломтями. Именно такая ассоциация возникла у Андрея, когда он по палубе «Георгия Победоносца» следовал на мостик.

– Доброе утро, Андрей Августович! – поприветствовал командующего начальник штаба флота контр-адмирал Плансон.

– Здравствуйте, Константин Антонович. Что-то я припоздился сегодня. Ничего важного не произошло?

– Все спокойно.

– Новостей с фронтов не сообщали?

– Ничего приятного: кажется, операция в Восточной Пруссии закончится еще более плачевно, чем предполагалось в последние дни. С корпусами Самсонова потеряна связь, весьма вероятно, что они окружены и попадут в плен.

Андрей прекрасно знал, что не «весьма вероятно», а совершенно точно. Гинденбург доведет дело до конца, и русская армия потеряет около четверти миллиона человек. Но сделать

уже ничего нельзя, да никто и не будет слушать советы адмирала с Черного моря по поводу ведения войны на северо-востоке Польши...

– Наверняка попадут... Ладно! У нас свои проблемы. Господин лейтенант!

– Слушаю, ваше превосходительство! – немедленно подскочил вахтенный офицер.

– Запросите броненосцы и крейсера о готовности выйти в море. А вас, Константин Антонович, попрошу озаботиться переселением штаба флота на «Евстафий». Отныне будем размещаться там. Я направляюсь на него в ближайшие пару часов, а вас... Сколько потребуется времени?

– Около двух дней, – Плансон был слегка удивлен, что командующий вдруг и сразу решил перестроить достаточно спокойную и размеренную жизнь на рейде Севастополя. – Может, больше. Все так неожиданно...

Стали поступать доклады с кораблей. Оказалось, что для выхода в море каждому требуется около двух-трех часов. То есть кому-то два, а кому-то три.

Приемлемо, хотя и не здорово. Война все-таки, хоть флот здесь пока и не ведет боевых действий, но мобильность нужно будет поддерживать на более высоком уровне.

Хотя, с другой стороны, тоже понятно, что машину крейсера или броненосца за полчаса не приведешь в боеготовое состояние непосредственно из того, в котором корабль находится в родном порту – сжигается необходимый для функционирования всех систем уголь и не более. А разогреть котлы так, чтобы тысячи тонн стали тронулись с места и дали ход... Получасика не хватит. А где-то может, и вообще какие-то механизмы на переборке – броненосцы-то не новые.

Поэтому Эбергард-Киселев не стал особо возмущаться задержкой – типа сам виноват: заранее командиров кораблей предупреждать надо, что тебе может вожжа под хвост попасть и срочно возжелается вывести флот в море...

Решив дать командиру «Евстафия» Галанину время прийти в себя перед адмиральским визитом, Андрей для начала напряг своего вестового на предмет «переезда» и сбора всего самого необходимого на первое время, а отход катера от борта «Георгия» назначил через час.

И с удивлением обнаружил, что Эбергард здорово подраспустил матроса, поскольку тот, услышав приказ, не постеснялся пробурчать себе под нос недовольные комментарии по поводу «и чего на месте не сидится...».

Сразу реагировать адекватно на столь явную наглость не стал, но «узелок завязал» – надо будет провести разъяснительную беседу на уровне лексикона мичмана Загоруйко, который на всем Северном флоте считался непревзойденным мастером находить нужные слова, когда Киселев служил срочную на «Адмирале Макарове». До печенок пронимали мичманские слова любого матроса. Причем корней великого и могучего русского языка Загоруйко в таких случаях использовал очень ограниченное количество. Но так мастерски оперировал их сочетаниями с приставками, суффиксами и окончаниями, что его высказывания можно было слушать как произведения искусства. Желательно со стороны, а не глаза в глаза...

Каперанг Галанин встретил адмирала у трапа. Слегка волновался, принимая командующего, но виду старался не показывать.

– Рад приветствовать ваше превосходительство! – голос слегка подрагивал, но только слегка. – Ваши апартаменты практически готовы...

– Здравствуйтесь, Валерий Иванович, – Эбергард протянул руку командиру броненосца.

На этот раз «встреча» с кукловодом происходила в кабинете. Андрей сидел в кресле и выжидающе смотрел на собеседника. Пришло время объясниться конкретно и окончательно понять, во что угораздило вляпаться.

– Поздравляю с первым днем в новом теле. Дебют прошел успешно.

– Вы сами догадываетесь, куда мне хочется засунуть ваши поздравления, или озвучить?

– Нет необходимости – прекрасно понимаю, что вы хотите сказать как в мой лично адрес, так и в адрес всех тех, кто принимает участие в данном проекте.

Давайте не будем тратить время и энергию на эмоции, а поговорим о вашем будущем.

– О каком еще...

– Стоп, Андрей Николаевич! Не стоит истерить раньше времени. Вы разумный человек, так что сначала получите информацию, потом обдумайте ее, а уже после этого я отвечу на все вопросы, если таковые останутся. Итак?

– Слушаю.

– Вот и хорошо. Первое: вы здесь, и изменить ничего уже нельзя. В принципе нельзя. Сознание Андрея Николаевича Киселева внедрено в мозг адмирала Эбергарда. Все технические нюансы на тему «как?» я опускаю по двум причинам: это уже неважно и я сам понятия не имею, как осуществляется перенос – этим занимались другие люди. Придется это принять и с этим жить. «Спрыгнуть» вы можете, только пустив себе пулю в висок. Собираетесь рассматривать такой вариант?

– Не дождетесь, – угрюмо буркнул Андрей.

– Уже хорошо. Далее: если вас утешит – оригинал спокойно проживает дальше в утраченной вами реальности, он спокойно вернулся домой, так что можете не беспокоиться за семью – там все замечательно, даже лучше, чем было до визита по известному адресу.

– Значит, все-таки там?

– А что, оставались сомнения?

– Практически нет.

– Ну что же – приятно иметь дело с умным человеком. И спешу ответить на вопрос-претензию, который вы стесняетесь озвучить: у вас «украли» восемнадцать лет жизни, что, конечно, не может не напрягать. Не беспокойтесь – телом вы поздоровели и даже слегка помолодели, главное, не позволяйте себя убить. Ни одна болезнь вас не возьмет, если, конечно, не начнете совершенно внаглую вести вопиюще нездоровый образ жизни. Не уничтожайте себя наркотиками, не превращайтесь в алкоголика – в этом случае гарантируется чуть ли не Мафусайлово долголетие.

– Понятно, – Андрей на минуту задумался, а собеседник терпеливо ждал ответной реакции.

– Но зачем все это? С какой целью? Я, честно говоря, чувствую себя пешкой, игрушкой...

– И совершенно напрасно. Это вполне реальный мир, и, если вас утешит, мы, те, кто устроил перенос вашей матрицы, уже никак не можем влиять на течение истории в нем – только наблюдать. Наша беседа, кстати, последняя, я больше не приду.

– Серьезно?

– Абсолютно. Никакой дополнительной информации не будет – выкручивайтесь исходя из тех знаний, коими обладаете. Это понятно?

– Это – да. Но я так и не получил ответа на вопрос «Зачем?».

– А он необходим? Извольте: «Интересно» устроит? Причем смею уверить, что пробить разрешение на это «интересно» было не так просто. Интересно не какой-то конкретной личности, а науке моего времени.

Вы, конечно, не раз читали в фантастических произведениях о параллельных мирах?

– Разумеется.

– Так вот: это реальность. Кстати: мир, в котором жили вы, тоже не первичен – он зародился после «развилки», устроенной во времена правления Екатерины Великой. И это тоже не первая «вариация» в нем.

– Но это... – Андрей просто задохнулся от расpirавших его эмоций, – это же унижительно, это...

– А вот давайте не будем поддаваться эмоциям. Что унижительно? Люди этого мира живут. Как и жители всех прочих созданных миров. И подавляющее большинство не испытывает дискомфорта от осознания того, что они созданы неким Богом. Аналогия понятна?

– Более чем...

Киселев хотел возразить, но подходящие для возражений слова в голову почему-то не приходили.

– Засим позвольте откланяться. Совершенно искренне желаю удачи, Андрей Августович...

– Это не мое имя! – вскинулся было Андрей, но, как это часто бывает во снах, сюжет оборвался...

Глава 4. Дела сердечные

С Елизаветой Андрей познакомился через две недели после появления в этом мире. Те, кто отправил его сюда, не обманули: с первых же дней номинально пятидесятивосьмилетний адмирал стал чувствовать себя чуть ли не юношей. Внешне он, конечно, помолодел весьма скромно – разгладились кое-где морщины на лице, пропала некоторая возрастная обрюзглость кожи, но главное, что изменилось общее самочувствие. Уже в свои реальные сорок лет в «том мире» Киселев потихоньку стал ощущать, что не мальчик: то там кольнет, то здесь «скрипнет»... Ну, то есть вообще ощущать периодически, что внутри туловища имеются некоторые внутренние органы. И они не всегда были довольны тем, что съел и выпил хозяин организма. И сколько съел и выпил.

А тут – реально забылось, что вся эта «начинка» вообще существует.

Зато «вспомнилось» другое – что мужчина ты еще совсем не старый (во всяком случае, по самоощущениям), но при этом не женат. С одной стороны, это и к лучшему – мало ли какая «половинка» могла попасться. А ведь будь любезен – знаки внимания оказывай и супружеский долг исполняй... Хотя бы иногда.

Бог миловал от такого «счастья», но проблема оставалась. Практически неразрешимая: он ведь не мичман, и даже не кавторанг, чтобы иметь возможность избавиться от «спермотоксикоза» обычным для моряков способом. Хорош был бы командующий флотом, заявившийся в «веселый дом», чтобы вечерок провести...

Мало того что об этом бы немедленно зашептался весь Севастополь – государь узнал бы на следующее же утро, а он уж такой ревнитель нравов, что можно запросто и должности лишиться.

Да и сам Андрей никогда не являлся сторонником свободного кобелячества. Действительно, было дело, что пару раз сходил налево от жены, но ни разу не ложился с женщиной в постель, не испытывая к ней никаких чувств.

И после «вселения» совершенно не улыбалось просто удовлетворить животные желания и снять напряжение – все-таки хотелось нормальных человеческих отношений с женщиной.

Проблема решилась в середине сентября. Совершенно безо всяких задних мыслей Андрей решил неожиданно проинспектировать Морской госпиталь. Причем распоряжение свернуть в направлении медицинского учреждения было отдано непосредственно во время возвращения с береговых батарей в город. Ошалевший флаг-офицер попытался возразить, что медики не готовы к такой внезапной проверке:

– Ваше превосходительство! Может, не стоит сейчас отвлекаться на подобные посещения? Боевых действий мы не ведем, пациентов в госпитале немного, врачи не готовы вас встретить как подобает...

– Вот и замечательно. Поздно будет решать имеющиеся проблемы, когда начнут поступать десятки и сотни раненых. Лучше узнать о таковых немедленно, чтобы после начала реальной войны можно было не беспокоиться насчет судьбы тех, кто пострадает в бою. Едемте!

Автомобиль скрежетнул тормозами возле главного входа в Морской госпиталь через полчаса. Персонал от неожиданности высокого визита обалдел сразу и дружно. От главного врача до последнего санитаря.

Просьба адмирала проводить его по палатам, разумеется, не вызвала абсолютно никакого восторга у руководителя данного заведения доктора Кибера, но деваться Эдуарду Эмильевичу было некуда – пошли делать обход.

Главному из всех врачей Черноморского флота было где-то в районе семидесяти лет. Плюс-минус пять. Но дедок вполне бодрый и, что приятно, к подхалимажу не расположенный. Тем более что, имея чин тайного советника, равный по табели о рангах чину вице-адмирала,

которым обладал Эбергард, глава севастопольской медицины вполне мог себе позволить не лебезить перед командующим флотом.

– Я не ждал вашего визита, ваше превосходительство, – начал было Кибер по пути к палатам.

– Прошу прощения и понимания, ваше превосходительство, – попытался снять напряжение Эбергард. – Меня зовут Андрей Августович. Давайте без чинов, хорошо?

И сразу добавил «сладкую пилюлю»:

– Если вам чего-нибудь не хватает, пожалуйста, составьте список необходимого и пошлите мне в штаб. Не обещаю, что выполню все ваши пожелания, но очень постараюсь, даю слово.

– Спасибо! – Эскулап посмотрел на командующего несколько более доброжелательно. – Список будет внушительным, предупреждаю. Но мы пришли – прошу!

И в мирное время медицинские стационары не пустуют – люди все равно болеют и получают травмы. А уж при службе на флоте тем более: то сверзится матрос с какой-нибудь корабельной верхотуры, то получит по голове или другой части организма мешком с углем при погрузке... Да и вообще в машинных отделениях и возле котлов атмосфера далеко не курортная. Кроме того, банальные аппендициты-холециститы случаются среди моряков ничуть не реже, чем у остальных представителей человечества. Так что пациентов у подчиненных доктора Кибера хватало. И надо сказать, что обязанности свои медики выполняли весьма неплохо. Переходя из палаты в палату, адмирал неизменно убеждался в чистоте не только помещений, но и, например, постельного белья. Неистребимый для любой больницы того времени запах карболки величаво царил во всех помещениях, показывая, что всякой заразе здесь поставлен заслон по мере сил и возможностей данной эпохи. Питанием пациенты были довольны, причем чувствовалось, что характеризуют местную кухню они не из страха быть наказанными за длинный язык, а вполне искренне. В общем и целом, если свести все отзывы матросов в одну фразу, то получалось приблизительно: «На корабле, конечно, получше кормят, но на харчи не обижаемся. Только вот чарки здесь не подносят...»

– Спасибо, Эдуард Эмильевич, – Андрей обозначил легкий поклон доктору, – я крайне доволен сегодняшним визитом в ваш госпиталь. Тем более что заявились мы неожиданными-незваными. Еще раз обещаю по возможности выполнить все ваши пожелания. Но, увы, только «по возможности».

– Благодарю за лестную оценку нашей работы, – главврач не скрывал, что ему приятна похвала командующего флотом, – а в своих просьбах я буду скромн. Но это пока. Пока не начались боевые действия. Если война коснется и нас, а не надо быть оракулом, чтобы понять, что так оно и будет, то запросы госпиталя возрастут. Потребуется значительно больше как лекарств, так и всего, что вообще связано с медициной.

– А вот тут ничего не могу обещать – основные боевые действия идут на фронтах. Практически уверен, что тамошние медики находятся в значительно более неприятной ситуации, чем вы. И Империя отдаст самое необходимое именно им. В первую очередь. И это, пожалуй, правильно.

– Понимаю...

– А здесь у вас что?

– Перевязочная.

– Позвольте?

– Конечно! – Доктор распахнул дверь.

От двери до этих глаз было около трех метров, но Андрей сразу понял, что такой пронзительной синевы он не видел никогда в жизни.

Форма сестры милосердия женщину отнюдь не красит, точнее – напрочь отбивает все греховные мысли. Для того, наверное, и придумана. Глухое темное платье и накидка оставляют

на виду лишь кисти рук и овал лица. Но натруженные руки без малейших следов маникюра неспособны воодушевить даже записного казанову, а лицо в обрамлении белой косынки, к которому, минуя иные особенности фигуры, невольно притягивается взгляд, чаще вызывает мысли о Творце и ангелах Его. Но вот когда на лице горят такие глаза... Об эти рифы могут разбиться не только безусые гардемарины.

– Ааа! Полухин, – Кибер немедленно узнал пациента. – Вот, полюбуйтесь, Андрей Августович, к чему приводят ваши угольные авралы – парню мешком сорвало с черепа скальп так, как ни один ирокез не умудрился бы сделать. И это ему еще очень повезло – могло вбить голову прямо в грудную клетку... Здравствуйте, Елизавета Сергеевна!

Командующий флотом все это слышал вполуха. Он смотрел на женщину, и только она в данный момент интересовала адмирала.

Лет тридцать – тридцать пять, хотя кто их, этих женщин, разберет – некоторые и в юности распускают себя так, что при взгляде на них у мужчин никакие рефлексy не срабатывают. А другие умудряются и на шестом десятке выглядеть так, что при встрече с ними головы противоположного пола вцепляются в них глазами и сопровождают взглядом, пока не хрустнут шейные позвонки... Редко, но бывает.

Упомянутая Елизавета Сергеевна была женщиной несколько выше среднего роста, несомненно стройной (даже одежда сестры милосердия не способна скрыть подобное). А лицо... Милое. Никаких там «точностей» в греко-римском стиле. Просто приятно посмотреть. Почти круглое лицо. Наверное, именно таких называли «лунолика»...

Действительно: светлое, круглое, прекрасное и загадочное. И неповторимое.

Она как раз заканчивала мастерить на голове матроса шапочку Гиппократы и слегка прижала плечо подопечного вниз, когда тот попытался вскочить, увидев орлы на погонах входящего адмирала. Которого и одарила неласковым взглядом тех самых «пронзительно синих»...

– Добрый день, Эдуард Эмильевич.

– Разрешите представить – Елизавета Сергеевна Фролова, наша лучшая из сестер. Адмирал Эбергард.

– Андрей Августович Эбергард, – Киселев мгновенно сориентировался и беспощадно сплагатил фразу Макарова из своего любимого «Порт-Артура».

Доктор иронически улыбнулся словам моряка, но промолчал.

За «Снежной Королевой», как за глаза называли Фролову в госпитале, не пытался ухаживать очень редкий представитель мужского пола из всех, кто встречал в стенах заведения эту женщину. Чуть ли не все врачи и фельдшеры на первых порах пробовали завоевать ее внимание, не говоря уже об офицерах флота, что пребывали здесь в качестве пациентов. Даже некоторые кондукторы иногда пытались заигрывать с очаровательной сестрой...

Женщина сдержанно поклонилась адмиралу и продолжила перевязку.

– Как же тебя угораздило, братец? – Андрей судорожно искал повод, чтобы задержаться.

– Дык! Ваше превосходительство!.. – Матрос попытался вскочить...

– Сиди и молчи! – неожиданно резко прикрикнула сестра милосердия. – А вас, ваше превосходительство, прошу не мешать. Еще минута, и можете расспросить Тихона о происшествии, но не сейчас.

Голос у нее на удивление приятный. Даже строгий тон его не портил.

– Не советую спорить, Андрей Августович, – весело прошептал на ухо Кибер, – ее даже я побаиваюсь: женщина-ремень.

– Ничего, потерплю, – так же на ухо ответил Эбергард. – Такие женщины могут себе позволять командовать нами, вне зависимости от чинов и должностей.

На самом деле Андрей был несказанно рад появившемуся поводу задержаться. И совершенно не из-за возможности расспросить матроса о подробностях ситуации, когда он получил свою травму. Проблема «штатная» – угольная погрузка всегда «чревата», авральная – тем

более. А сам характер травмы являлся, конечно, неординарным, но вполне представляемым: шарахнуло парня по голове вскользь, сорвало кожу с черепа... Хорошо еще, что на затылок пошло, а не на лицо...

– Эдуард Эмильевич, – прервал общение адмирала с раненым голос Фроловой, – моя смена завершилась, так что, если нет ничего срочного, прошу разрешения закончить работу и пойти домой.

– Благодарю вас, Елизавета Сергеевна. Можете быть свободны.

– Сударыня, – не замедлил воспользоваться случаем Андрей. – Позвольте, Черноморский флот, в благодарность за неоценимую помощь, которую вы ему ежедневно оказываете, доставит вас домой на автомобиле?

Что сестра милосердия, что главный врач госпиталя посмотрели на командующего с некоторым изумлением: с каких это пор адмиралы стали подвозить до дома медицинских работников среднего звена?

Киселев в теле Эбергарда слегка смутился, но потом попер вперед по принципу «наглость – второе счастье»...

И вообще: «Жираф большой – ему видней...»

– Так что, Елизавета Сергеевна, не откажете старому моряку в праве оказать небольшую услугу достойному служителю Эскулапа и просто очаровательной женщине?

– Не откажу! – весело ответила Фролова. – С удовольствием прокачусь до дома на автомобиле. А это не скажется на боеспособности нашего флота?

– Ни в коем случае. Машина у главного входа. Сколько вам понадобится времени, чтобы закончить здесь со всеми делами?

– Не более пяти минут.

– Ждем вас.

Пять минут, разумеется, растянулись на все пятнадцать, но дочери Евы всегда являлись и остаются таковыми – если одна из них определяет отрезок времени, через который она обязуется находиться в точке «А» для... Неважно для чего... То это время можно смело множить на три. И это по самым скромным прикидкам...

– Я не заставила вас долго ждать? – лучезарно улыбнулась женщина, подойдя к автомобилю.

– Нисколько, – вежливо отозвался адмирал, – я как раз имел возможность выкурить папиросу – ведь не в вашем же присутствии...

– Благодарю, что об этом подумали.

– Прошу, сударыня, – Андрей указал на распахнутую дверцу авто.

Женщина поднялась и устроилась в кресле слева, Эбергард не замедлил занять свое место, и машина тронулась.

– Вам куда?

Вообще-то этот вопрос выглядел сильно запоздалым, но в данный момент самым логичным.

– А если я живу в Балаклаве? – лукаво посмотрела на адмирала женщина. – Доставите?

– Елизавета Сергеевна, не считайте военных, и меня в их числе, полными дураками. Из Балаклавы вы бы не могли добираться до госпиталя каждый день. И обратно. Может, не стоит продолжать эту пикировку?

– Может, и не стоит...

Автомобили того времени рычали и фырчали так, что можно было не особенно опасаться на предмет того, что флаг-офицер с переднего сиденья сколько-нибудь внятно расслышит разговор на задних...

– Тогда зачем вы об этом?

Андрей почувствовал себя припертым к стене. Соображаловка отказывалась выдать хоть какой-нибудь приемлемый ответ. Но спасение нарисовалось прямо на тротуаре. Вдоль пути следования.

Некий матрос имел наглость прогуливаться с особой женского пола «под ручку».

Да еще и на пути следования командующего флотом...

Эбергард, из глубины подсознания, немедленно долбанул Киселева на предмет вопиющего нарушения устава...

– Останови-ка мотор возле того обормота с барышней, братец, – приказал адмирал шоферу. – Извините, Елизавета Сергеевна, придется самолично сделать внушение разгильдяю...

Егор Мордвинов прекрасно знал, что за хождение с женщиной под руку он мог получить «месяц без берега» или двое суток карцера. Но на данной улочке шанс встретить офицера был минимальным, а очень хотелось продемонстрировать своей зазнобе, что ради нее он может и на устав поплевывать. Нормальное, в общем, явление для любого добивающегося внимания особы прекрасного пола.

Звук подъезжающего со спины автомобиля, хоть и не сразу, донес до извилин матроса информацию о надвигающейся опасности, но было уже поздно.

А когда из скрипнувшей тормозами машины поднялся аж целый адмирал... Да не просто адмирал, а командующий флотом...

Душа не просто ушла в пятки – провалилась до центра Земли.

– Кто таков?

– Гальванер крейсера «Память Меркурия» Мордвинов, ваше превосходительство.

– Какой год служишь?

– Третий, ваше превосходительство.

Андрей видел, что у нарушителя устава стали подрагивать коленки.

Черт! Ведь сам Киселев не видел ничего предосудительного в поступке матроса – ну «клеит телку» молодой парень, лишенный страной женского общества в самом что ни на есть соответствующем возрасте. Как тут отказаться от возможности лишний раз хоть прикоснуться к представительнице противоположного пола?

Но и просто проехать мимо было нельзя – тот же флаг-офицер бы не понял такого попустительства разгильдяйству со стороны адмирала.

А с другой стороны, не хотелось выглядеть таким держимордой на глазах у женщины, которая... Понравилась, в общем.

– Ладно уж. Проводи девицу, а потом сразу на крейсер. И передай старшему офицеру – две недели без берега. От моего имени. А уж сколько он тебе, курицыну сыну, лично от себя добавит – его воля. Все понял?

– Так точно, ваше превосходительство! – Матрос даже не поверил, что так легко отделался. – Премного благодарен!

– Ступай уже.

– Поехали! – Это, разумеется, к шоферу.

– А вы суровы, – Фролова не смела вмешиваться в разборки моряков, но высказать свое мнение по их завершении не преминула. – За что так строго?

– Сударыня, устав есть устав. На самом деле, только ваше присутствие спасло этого раздолбая от значительно более серьезного взыскания.

– Ну, тогда я не зря согласилась на ваше предложение отвезти меня домой. Кстати, Андрей Августович, а почему вы позволили себе пригласить меня на эту поездку? Я произвожу соответствующее впечатление?

Андрей на задворках своего подсознания понял, что в очередной раз попалился. Но выкрутился мгновенно:

– Знаете, Елизавета Сергеевна, мне одного взгляда на вас хватило, чтобы понять, что вы человек передовых взглядов и не особенно скованы условностями светского общества.

– И что же создало у вас такую уверенность? – удивленно приподняла брови женщина.

– А никакой уверенности нет и не было. Была попытка...

Очень хотелось закончить фразу: «и она завершилась успехом...», но Эбергард себе такой наглости не позволил. Добился своего – радуйся. И не наглей – спугнешь...

– Объяснить логически я ничего не в состоянии, но... Может, я и ошибся...

– А мы уже приехали, – оборвала Эбергарда спутница. – Вот мой дом недалеко. Попросите своего шофера остановиться сейчас – мне еще в лавку заглянуть надо.

Машина адмирала подвезла женщину аккуратно к самым дверям бакалейной лавки. Андрей вышел тоже и подал руку даме:

– Надеюсь, мы еще увидимся.

– Не обещаю, но ничего не имею против. Спасибо!

– Всего доброго, сударыня!

– До свидания!

Глядя вслед удаляющейся Фроловой, Андрей, несмотря на скрывавшее фигуру платье сестры милосердия, понял – точно длинноногая. Достаточно высоко затянутый пояс тут был ни при чем. Само движение безошибочно подсказывало, что фигура у женщины практически идеальная. По меркам конца двадцатого – начала двадцать первого века, конечно. Здесь иная мода пока – Кшесинская с короткими и толстыми ногами пользовалась бешеным успехом и, можно сказать, задавала тон на оценку красоты женской фигуры.

Хотя... Главное все-таки не только получить данное тело от матушки Природы и родителей, главное – «научиться им пользоваться». Зачастую и в начале того самого двадцать первого женщины, которым от рождения достались ножки покороче, двигаются с такой неповторимой грацией, так ладны и гармоничны, что от мужиков при первом же взгляде на таковую искры сыпаться начинают...

И наоборот: вся из себя модель, вроде придраться не к чему, а в душе или несколько ниже вообще ничего не шелохнется... Манекен – он и есть манекен, даже если вполне одушевленный...

Весь вечер у Андрея из головы не шел образ очаровательной сестры милосердия. И, как ни пытался адмирал сосредоточиться на планировании грядущих боевых действий, ни черта не получалось. Еще и в постели проворочался где-то до часу ночи...

И уснуть смог, только признавшись самому себе, что «приплыл». Что его конкретно переключило на Лизе. С первого взгляда переключило...

Глава 5. Ждем-с!

– Ох и лют сегодня адмирал, а, Тимоха? – Сигнальщик «Евстафия» Гузанов вопросительно посмотрел на своего товарища, поднимая очередной набор флагов с очередным «фитилем».

– И не говори, давно, видать, с женой не спал – все на эскадре да на эскадре...

– Неженатый он, хотя ты, наверное, прав – бабу бы ему, может, тогда звереть и перестанет.

– Это точно! Чуть ли не ежедневно броненосцы в море вытаскивает...

– Сигнальные! – донеслось с мостика. – Передать на «Кагул»: «Командующий выражает неудовольствие».

– Снова-здорово, – пробурчал Гузанов, подбирая соответствующие флаги...

Эбергард-Киселев действительно был сегодня не в духе. Это мягко говоря.

Мало того что состоявшееся общение в мире Гипноса ни разу не способствовало хорошему настроению, так еще и реальные корабли категорически не хотели вести себя на море так же послушно, как их модельки на экране монитора в компьютерных баталиях.

В виртуальных игрушках, конечно, тоже зачастую появлялись вводные о внезапных проблемах с машинами, например. Но там, если кораблю указано «вернуть на энное количество румбов», то это, как правило, происходило без проблем. А тут...

Тяжко. А что делать? Нужно перестраивать данный мир для максимально комфортного в нем пребывания. А уж грядущие через три года революция и развал Империи никак не способствуют оному.

Понятно, что все самое главное происходит и будет происходить на «сухопутье», но неужели кардинальное изменение ситуации на Черном море не повлияет на общий расклад?

Да и эту самую ситуацию нужно еще суметь изменить. Сто раз проконтролировать, чтобы ток к крепостному минному заграждению был подведен в нужный момент. Сто раз проверить, что ток именно ПОДВЕДЕН, а не кто-то просто замкнул рубильник.

Приготовить линейные силы флота для быстрого удара по поврежденному (будем надеяться) «Гебену». Вероятно, стоит вывести броненосцы в Казачью бухту заблаговременно...

В Одессе просто предупредить на предмет бдительности: пусть комендоры возле пушек ночь проведут...

Феодосия... «Гамидие», конечно, калоша та еще, но грохнуть ее стоит. До кучи. Чтобы эти самые турки вообще забыли о существовании такого водоема, как Черное море.

Ох, как не хватает сейчас «ластоногих» – подводных лодок типа «Морж». Придется обойтись старьем: «Карпа» и «Карася» «прислонить» к пирсам Феодосии и атаковать наглуемую турецкую лоханку, когда она посмеет выпендриваться возле крымских берегов.

«Бреслау»... Вот что с этой заразой делать? Может, все-таки удастся ввести в строй «Нерпу» за полтора месяца? Если снять с «Моржа» и «Тюленя» всех рабочих, все силы сосредоточить на одной лодке?

Глава 6. Ну, понеслось!...

Первые выстрелы в войне на Черном море раздались все-таки не под Севастополем, а на рейде Одессы.

Турецкие эсминцы «Гайрет-и-Ватание» и «Муавенет-и-Миллие», под общим командованием старшего офицера «Гебена», фрегаттен-капитана Мадлунга, нахально, под ходовыми огнями, вошли на акваторию порта. Два парохода, выходящие из порта, подсказали немецкому офицеру эту идею – возможно, примут за своих...

И действительно – все выглядело спокойно и благопристойно. Луч портового прожектора скользнул по силуэтам проходящих мимо мола миноносцев, но не задержался на них.

– Нас не ждут. Слава Господу, – выдохнул Мадлунг. – Вон у окончания мола их канонерская лодка. Атакуем торпедами. Вернее, с такого расстояния и одной хватит...

Их ждали.

Внезапно с канлодки (это был «Донец») к «Гайрету» протянулся луч прожектора, и борт русского корабля разукрасился цепочками выстрелов.

А расстояние-то для морского боя совершенно смешное – менее кабельтова. Это просто прямая наводка не только для пушек «Донца», но и для его пулеметов. Даже ночью.

Промахов просто не было. Первая же пара фугасных снарядов растерзала турецкий эсминец так, что ему уже не суждено было вернуться к своим берегам – если тонуть этот корабль пока не собирался, то здоровенная пробоина по ватерлинии в носовой части, сбитая труба и разорванные паропроводы превращали переход через все море в ненаучную фантастику. Пушки помельче тоже внесли свою лепту, компенсируя свой скромный калибр скоростью.

К чести минеров «Гайрета» нужно отметить, что они не растерялись и успели выстрелить торпедой в «Донца». И не промахнулись.

Но от начала боя и до того момента, когда рвануло взрывом в носовой части канлодки и та стала быстро заваливаться на левый борт, прошло почти три минуты, а за это время русские комендоры успели превратить один из четырех лучших эсминцев Турции в чудом держащиеся на воде ошметки.

Командир «Муавенета» даже не стал пытаться спасти кого-то с пылающего корабля-товарища. Было совершенно очевидно, что не помочь уже ни «Гайрету», ни кому-нибудь из его экипажа. Проблема стояла более серьезная: унести ноги подобру-поздорову.

Огонь «Кубанца» получился не столь эффективным, как у собрата, но один шестидюймовый снаряд и два двадцатимиллиметровых второй турецкий эсминец тоже словил. И это не считая града «мелочи» от трех дюймов и меньше.

Вопрос стоял уже о том, чтобы дотянуть до ожидающего южнее угольщика и, на его буксире, добраться до Босфора.

Не вышло...

Вернее, до ждущего эсминца «Ирмингарда» «Муавенет» все-таки дотянул, но заделать здоровенную дырищу в корме у самого руля и винтов в открытом море, да еще и абсолютно неспокойном поздней осенью, не представлялось возможным...

Пару часов экипаж еще пытался как-то бороться с повреждениями, но и эта пробоина была не единственной. Командир миноносца приказал команде перейти на пароход.

«Муавенет» затопили через кингстоны в открытом море. Турция за эту ночь лишилась половины своих самых современных эсминцев.

В Севастополь уже пришла радиограмма: «Неприятель атаковал Одесский порт, один его большой миноносец потоплен, другой ушел с повреждениями. Торпедирована лодка «Донец». Других потерь в порту нет».

Вот хоть плачь, хоть матерись!

Именно такие мысли владели командующим флотом, когда его разбудили в третьем часу ночи и зачитали радиограмму.

Предупреждали же ведь придурков, что ожидается атака миноносцами на порт! Неужели нельзя было какой-нибудь баржей или бонами с сетями заградиться?

Фиг с ним, что «Донец» калоша старая и ни на что в масштабах флота не годная...

Ладно! Потом разберусь...

Ну и ложиться спать по новой смысла уже не было: пока полчаса с боку на бок повертишься, пока уснешь...

Тем более вот-вот должны были поступить сведения из-под Феодосии и Новороссийска, где подлодки и «Кагул» с миноносцами тоже ожидали гостей. Тех, что «хуже татарина». Да и к Севастополю ожидался САМ.

Андрей приказал вызвать Лысухина – нечего вестовому дрыхнуть, когда адмирал бодрствует, и напруг вестового приготовлением кофе в гомерических количествах.

В половине шестого с мыса Сарыч доложили, что на юго-западе наблюдают в море свет прожекторов...

Началось!

Эскадре был отдан приказ сняться с якорей и приготовиться к движению.

Загрохотали выбираемые цепи на «Евстафии», «Иоанне Златоусте», «Пантелеймоне», «Трех святителях», «Ростиславе», «Памяти Меркурия», «Алмазе» и миноносцах. Флот готовился идти в бой.

Еще через полчаса наблюдательный пост на мысе Лукулл доложил, что видит двухтрубный корабль, идущий к Севастополю.

Эбергард лично и пренастырно потребовал подтверждения у начальства крепости, что ток к заграждениям возле порта подключен...

Да подключен!

Подполковник Ширгородский, командир минных рот Севастополя, был уже настолько задерган командующим флотом, что просто жил у рубильника, подключающего электричество к заграждению.

– Начать движение!

Громады броненосцев стали вытягиваться из Казачьей. Головным пошел «Евстафий», за ним двинулся однотипный «Иоанн Златоуст», а потом «Пантелеймон» – бывший «Князь Потемкин». Именно на нем держал свой флаг командующий дивизией линкоров Черного моря, контр-адмирал Новицкий.

Эти три корабля вполне могли выдержать бой с «Гебеном», если бы тот его принял: дюжина двенадцатидюймовых орудий представляла собой вполне солидный контраргумент десяти одиннадцатидюймовым пушкам линейного крейсера.

Козырями немца, без сомнения, являлись его большая боевая устойчивость, более удобное управление огнем и, разумеется, скорость, но «русская тройка» имела все шансы в драке с ним.

К тому же ее поддерживала вторая бригада линейных сил под флагом контр-адмирала князя Путятина. Более пожилой броненосец «Три святителя» уступал своим «коллегам» в скорости, но нес все те же четыре двенадцатидюймовки, а «Ростислав» имел хоть и более скромный главный калибр в десять дюймов, но сбрасывать четверку таких орудий со счетов не стоило.

«Шестидюймовый пулемет» из трех десятков стволов соответствующего калибра, которые русские могли обеспечить с одного борта (да еще и четыре восьмидюймовки «Евстафия» и «Иоанна»), разумеется, не угрожал немцу опасными повреждениями, но шквал пятидеся-

тикилограммовых снарядов предполагал пожары, повреждения стволов больших пушек и всевозможные прочие неприятности...

Эбергард-Киселев мог чувствовать себя вполне уверенно перед предстоящим боем, но тем не менее мандраж его слегка поколачивал: «Золотой снаряд» – он и в Африке «золотой снаряд» – влепят прямиком в боевую рубку, и потом объясняй апостолу Петру, что сражение ты практически выиграл...

– «Гебен» обстреливает порт! – поступил доклад из радиорубки.

– Иметь ход четырнадцать узлов! – мрачно бросил адмирал, искренне надеясь, что этого хватит.

Хватит... Для чего хватит? Если сушоновский линейщик не нахватает минных пробоин, то черта с два мы его на наших узлах принудим к бою...

Андрей вдруг поймал себя на том, что грызет усы.

Даже долговременный бой не гарантирует успеха – в прошлой реальности «Гебен» показал, что его артиллеристы не пальцем деланные: у мыса Сарыч «Евстафий» получил значительно сильнее, чем немец, и по количеству попаданий, и по убитым-раненым...

Остается надеяться, что все предыдущие стрельбы не прошли даром, что на этот раз с определением дистанции не оплошают и «тройка» отстреляется более согласованно – адмирал изначально рассматривал корабли Путятинна как резерв, а не реальных участников боя.

Но для этого, чтобы все стало хоть теоретически возможным, нужно как минимум сбить ход паразиту! И здорово сбить.

– Ваше превосходительство! – подскочил к Эбергарду минный офицер броненосца. – С «Георгия» передают: «Наблюдаем подрыв вражеского корабля на mine».

Адмирал присоединился к ликованию офицеров на мостике, обозначив улыбку и кивнув головой.

Мало для этого монстра, мало! Но уже приятно понимать, что цепи замкнуты.

А с минного поля просто так уже не выбраться! Раз уж вляпался со всей своей двадцатитрехтысячетонной машиной на пятнадцати как минимум узлах...

Глава 7. Дебюты бывают разные...

Сушона подбросило как в прямом, так и в переносном смысле: в прямом – реально здорово тряхнуло, а в переносном – ну совсем не ожидалось... «Гебен» ведь следовал за тралами миноносцев «Ташос» и «Самсун». Как они умудрились пропустить мину на пути флагмана?

Но факт оставался фактом – рвануло. Под самой кормой рвануло...

Как эта мина не попала в тралы, действительно непонятно, но работа винтов линейного крейсера подтянула ее к борту, и она таки взорвалась...

С правого вала сорвало винт. Вроде бы и не так страшно – винтов на «Гебене» четыре...

Турбина, лишившись сопротивления, которое этот самый винт давал, немедленно «взбесилась» и выдала такие обороты, что, прежде чем регулятор автоматически остановил подачу пара, оторвался зубчатый агрегат устройства проворачивания турбины, не выдержавший непредусмотренных нагрузок.

Не просто оторвался – пробил и выходящую за борт трубу подачи воды, раздолбал несколько трубопроводов... Много чего натворил этот сорвавшийся кусок железа...

Если кратко резюмировать результаты, то ко всему прочему флагман турецкого флота заглотив еще и почти полторы тысячи тонн морской воды в свою утробу. Немало: можно считать, что в его нутро засунули дополнительно целую канонерскую лодку.

По отсекам флагмана турецкого флота немедленно загремело: «Задраить водонепроницаемые переборки. Всем оставаться на своих боевых постах!»

Аккерман, разумеется, запросил «низы» о характере повреждений, но времени дожидаться ответа не было, нужно немедленно принимать решение...

Реверс? Но двадцатитрехтысячную махину на пятнадцати узлах мгновенно не остановить. Чудовищная инерция потащит корабль вперед даже при «полном назад» еще немало.

Поворот влево? Вроде бы логично, исходя из направления движения. Но это по направлению к Севастополю, и большая степень вероятности дальше двигаться по минам.

Вправо? Да, это шанс. Возможно, что заскочили только на край минного поля. Если отвернуть от русского порта, то имеется вероятность выскочить без дополнительных «травм» и уйти – о продолжении операции уже и думать нечего...

Но в этом случае путь по сомнительному району чуть ли не вдвое более длинный, чем при отвороте влево. Но зато слегка приподнимется над водой поврежденный борт...

А решать необходимо немедленно...

– Право руля!

Сушон не вмешивался. Руководить кораблем, тем более в экстремальной ситуации, должен его командир. В любой ситуации – командир. Адмирал командует эскадрой или операцией, но на корабле единственный «Первый после бога». Он один ответственен за все. И его приказы должны выполняться беспрекословно. Кроме одного: приказа спустить флаг и сдаться. Вот тут даже распоследний юнга имеет право и должен взбунтоваться и командира арестовать, или даже застрелить...

Но пока речь о сдаче не шла, «Гебен» разворачивало вправо, чему, кстати, способствовало отсутствие крайнего правого винта; линейный крейсер уже почти выскочил с крепостного заграждения...

Рвануло еще раз. Вторая мина оказалась не столь эффективна, как первая: Взрыв прогнул противоторпедную переборку левого борта, порвал обшивку, флагман Сушона принял еще двести тонн воды – не фатально. Но, в дополнение к первому повреждению, – немало...

– Сколько узлов мы можем дать, Рихард? – наконец обратился адмирал к капитану цур-зее.

– Предварительно – не более двенадцати. И то не гарантирую.

– С зюйда дымы! – донеслось от сигнальщика. – Русские броненосцы!

Из устья Казачьей бухты один за другим появлялись «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон». Корабли второй бригады несколько поотстали, но «русская тройка» уже в самое ближайшее время грозила выйти на дистанцию открытия огня. Вернее, снаряды добросить можно было уже сейчас – «Гебен» и головной броненосец разделяли всего семьдесят кабельтовых, но на «Иоанне», который являлся центром управления огнем бригады, произошла заминка с определением расстояния.

А вот немцы ждать не стали.

Корветен-капитана Книспеля мало волновало происходящее в низах корабля, у него были свои заботы – пушки. В перископ с пятнадцатикратным увеличением старший артиллерист «Гебена» следил за надвигающимися кораблями противника, через наушники поступала информация с дальномеров о скорости и курсе своего крейсера, доклады из башен и все прочее, что необходимо «дирижеру артиллерийского оркестра».

Наконец в микрофон прозвучало: «Прицел четырнадцать тысяч метров. Залп!»

Все пять башен содрогнулись от выстрелов, и каждая послала во врага по одиннадцатидюймовому снаряду.

Первые две серии легли перелетами, а вот следующая «взорвала воду» совсем недалеко от борта «Евстафия». Прямых попаданий не случилось, но осколками броненосец обсыпало здорово.

Наконец стали отвечать и русские.

Сначала недолеты... Но вскоре один из снарядов русского флагмана взломал шестидюймовую броню порта каземата на линейном крейсере и взорвался внутри. При этом сдетонировало еще три снаряда и загорелись шестнадцать зарядов приготовленных к стрельбе; газ, пламя и дым проникли в пороховой погреб, из которого подавали боезапас к орудиям противоминной артиллерии, но взрыва не последовало. Одна пушка вышла из строя, убито тринадцать германских моряков, но разве это сколько-нибудь существенно не только для войны вообще, а даже для боеспособности такой махины, как «Гебен»?

Не вернуться к своим матерям, женам, детям еще тринадцать сыновей, мужей, отцов... Какая это мелочевка для бога Марса!

Кстати, германец практически тут же отомстил. Сторицей: мало того что без разрыва прошло первую трубу на «Евстафии», так еще один снаряд угодил в левый носовой каземат шестидюймовой батареи. Он оставил идеальное круглое отверстие в броне, но вот внутри натворил таких дел, что... В общем, не выжил никто...

Однако черноморцы с некоторым удивлением наблюдали, что не только настигают агрессора, даже обгоняют. Три русских линейных корабля уверенно отсекали «Гебена» от открытого моря. То есть пока еще нет, но тенденция наблюдалась именно такая. Да и флагман князя Путятина, «Три святителя», явно прибавил оборотов, чтобы поскорее присоединиться к битве. Более медленный «Ростислав» пока отставал, но при имеющейся ситуации тоже скоро должен был выйти на дистанцию, позволяющую дотянуться своими пушками до немца.

А соперники пока обменялись еще несколькими попаданиями: «Евстафий» получил в броневой пояс и под среднюю трубу, а «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон» отметились соответственно по одной из средних башен линейного крейсера и попаданием в носовую часть. Именно эта пара снарядов с бывшего «Князя Таврического» оказалась фатальной для германцев. Хотя последствия попадания стали проявляться существенно позже. Этот удар пришелся ниже главного броневых пояса, в «ахиллесову пята» любого из германских линейных крейсеров – там не было противоторпедной переборки. Большинство отсеков впереди первой башни «Гебена» оказались затопленными.

А тут еще и подоспевший «Три святителя» «добавил огоньку», угодив с запредельной, можно считать, дистанции в палубу юта немецкого корабля. Ничего существенного, конечно, – просто пылает кают-компания и еще десяток жизней алчно забрал себе бог войны...

Противники сблизилась до пятидесяти кабельтовых, и Эбергард приказал задействовать восьми-шестидюймовые орудия – дистанция вполне уже позволяла обрушить на врага град снарядов среднего калибра.

Наконец-то! Закончилось томительное ожидание всех тех, кто в страшном напряжении жил возле своих пушек в последние полчаса... Можно!

Зазвякали указатели приборов управления стрельбой, натужно заныли элеваторы подачи снарядов, поднимая наверх беседки, щелкнули своими «челюстями» замки орудий...

Залп! Корпуса броненосцев в очередной раз содрогнулись, дернулись в машинных стрелки манометров, зазвенели по палубам плутонгов выплунутые пушками гильзы, и зазвучало по казематам: «Второе готово!», «Четвертое готово!», «Шестое готово!», «Готово!», «Готово!!», «Готово!!!»...

Залп!..

Снаряды, конечно, «игрушечные» по сравнению с главным калибром, но «курочка по зернышку клюет»: там в ствол орудия угодят своими почти пятьюдесятью килограммами, здесь небронированный борт пробьют и пожар устроят, да и просто лес водяных всплесков от недолетов здорово затруднит противнику эффективную стрельбу.

Сушон прекрасно понимал то, что в погребах «Гебена» достаточно ограниченный боезапас – по восемьдесят выстрелов на орудие главного калибра, что ведение огня с максимальной скорострельностью меньше чем через час сделает крейсер совершенно «беззубым». Но сейчас, именно в этот момент необходимо оторваться от русских любой ценой!

И Книспель, получив соответствующий приказ, зарычал в сторону русских броненосцев из всех четырех боеспособных башен и батареи противоминной артиллерии.

Получилось. В «Евстафий», на протяжении пяти минут угодили полные горсти одиннадцатидюймовых «подарков». Не считая близких разрывов в воде, которые гидравлическим ударом тоже контузили подводную часть корпуса...

– Кормовая башня временно выведена из строя!

– Попадание в каземат восьмого шестидюймового!

– Попадание в корму, пожар в кают-компании! Пожар...

Подобные доклады поступали в боевую рубку «Евстафия» один за другим...

Эбергард и так понимал, что броненосцу долго такого огня не выдержать...

Но адмиралы в бой не посылают – адмиралы в бой ведут. Это вам не «сухопутье»...

И тем не менее...

– «Евстафию» покинуть линию!

– Ваше превосходительство, а вы не торопитесь? – попытался возразить Галанин. – Никаких фатальных повреждений у броненосца нет, тринадцать узлов держать можем...

– Валерий Иванович, – прищурился на каперанга Эбергард, – все необходимые пояснения я дам вам несколько позже, хоть и не обязан этого делать, а сейчас потрудитесь отдать соответствующий приказ и отсигналте на «Иоанна», чтобы он возглавил кильватер.

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – Командир «Евстафия» посмотрел на командующего без особого восторга, но перечить, разумеется, не стал.

Флагманский корабль Черноморского флота повалило, согласно приказу, влево, а вот до следующего мателота приказ «Возглавить линию!» не дошел – очередной град снарядов с «Гебена» снес грот-мачту, а радио не действовало на «Евстафии» уже давно. То есть действовало, но исключительно на прием...

Однако командир «Иоанна Златоуста», капитан первого ранга Винтер, и без всякого приказа понял, что флагман покинул строй не от хорошей жизни, что возглавлять эскадру теперь необходимо его броненосцу.

Неуютно, но долг есть долг... Вот уже первый пристрелочный залп германского корабля вздыбил море совсем неподалеку от борта...

... – А ведь, может, и выскочим, Рихард! – Сушон с довольным выражением лица посмотрел на Аккермана. – Если выбьем и второго, то уже наверняка. Остальные точно отстанут.

– Будем надеяться, мой адмирал. – Командир корабля совсем не разделял радужных надежд своего начальника. – Но состояние «Гебена» угрожающее, а нам ведь предстоит дойти до Босфора. И я не поручусь, что с такими повреждениями, которые уже имеем, это возможно.

– Больше оптимизма! Прикажи своим артиллеристам усилить огонь.

– Орудия и так бьют на пределе скорострельности. Тем более что нужно было менять цель, из-за этого и задержка... К тому же... – Капитан цур-зее слегка замялся, но, плюнув на свои опасения, вдруг откровенно стал высказывать сомнения командующему: – Видите эти большие миноносцы? Теперь уже при самом благоприятном для нас исходе боя они сядут на хвост и непременно атакуют в открытом море, как только спустятся сумерки. Совершенно не уверен, что у нас к тому времени найдется достаточно прожекторов и пушек, чтобы отбиться.

Адмирал не верил своим ушам. Чтобы Аккерман начал паниковать? Это было совершенно невообразимо.

– Так что ты предлагаешь? Спустить флаг?

– Застрелю любого, кто посмеет отдать подобный приказ или вообще заговорит об этом. Я просто трезво смотрю на ситуацию. Драться необходимо до конца...

Шарах! Русский снаряд угодил совсем рядом с боевой рубкой, взрывом здорово потрянув все ее содержимое. Как приборы, так и людей.

Но такое чудовище, как «Гебен», вывести из строя одним попаданием, разумеется, нереально. Даже самым удачным.

Ну да: тактическое управление кораблем было на несколько минут потеряно, однако пушки продолжали стрелять, крейсер оставался на курсе, кочегары, как и прежде, швыряли в огненные пасти топок уголь, заделывались пробойны, тушились пожары...

А тут еще дал прикурить подобранный к своим «Ростислав»: залепил сразу двумя десятидюймовыми снарядами под корму. В рубку поступил доклад, что противоторпедные сети перебиты и висят над левым винтом. Необходимо их убрать, а для этого требуется остановить машины. Необходимо срочно принимать решение. При всем том, что Аккерман только что поднял с палубы и надел фуражку на ошеломленную предыдущим взрывом голову...

Остановиться? Превратиться на пятнадцать-двадцать минут в неподвижную мишень для русских? Инерция еще какое-то время протащит крейсер по волнам, но это несерьезно. За такой промежуток вражеские броненосцы нафаршируют «Гебен» своими снарядами так, что ни о каком Босфоре думать не придется...

Рискнуть? С огромной вероятностью намотать сети на винт... Тогда – все. При самой невероятной везучести просто не хватит снарядов, чтобы утопить все русские корабли. И тогда уже самый распоследний из них подползет и прикончит... Да и не «распоследним» он будет, честно говоря, – не будут русские рисковать своими линейными силами, достаточно той армады миноносцев, что у них имеется...

А решение принимать нужно...

На помощь командиру корабля пришел адмирал:

– Останови машины, Рихард, может, хоть так позже сумеем отойти подальше в море...

Сушон понял, что проиграл. Категорически проиграл. И его целью стало лишь не сделать свой флагман трофеем для русских. Только затопиться подальше от Севастополя на как

можно большей глубине. А еще желательно прихватить с собой на дно хоть одну из российских калош...

– И прикажи усилить огонь. Пусть о запасе снарядов не беспокоятся...

Усилить огонь было можно, но результаты не воспоследовали: шквал шестидюймовых фугасных с русской эскадры не мог, конечно, всерьез повредить такого монстра, как «Гебен», но вот проблем создал немало – подавляющее большинство дальномеров на линейном крейсере вышло из строя. А Винтер, чтобы не попасть под сокрушающий огонь германского главного калибра, регулярно менял курс своего «Иоанна» и данное маневрирование вполне приносило свои плоды – броненосец получил только четыре попадания с того момента, как возглавил кильватер.

А «Пантелеймон», «Три святителя» с присоединившимся «Ростиславом» не обстреливались вообще и действовали практически в полигонных условиях. В результате их удары с почти убойных сорока кабельтовых все сильнее и сильнее сказывались на состоянии вражеского корабля.

– А ведь, кажется, получилось! – Эбергард с нескрываемым удовольствием смотрел в бинокль на горящий линейный крейсер, который ко всему вдобавок еле-еле полз по волнам. – Не уйдет! Не может уйти, не должен!..

– Ваше превосходительство! – доложил Галанин. – Пожары ликвидированы, «Евстафий» может вернуться в общий строй.

– Замечательно, Валерий Иванович. Что кормовая?

– Стрелять пока не может, требуется еще около получаса.

– Хорошо. Держите за «Ростиславом».

– Слушаюсь!

Броненосец стал догонять основную линию, и еще издали носовая башня стала посылать снаряды в практически приговоренного «Гебена». Безрезультатно сначала, но все равно было заметно, что спесивым тевтонцам сегодня никуда дальше морского дна не уйти – линейный крейсер уже здорово сел носом, ход давал ничтожный, а русские снаряды продолжали ломать и крушить крупновскую броню. Флагман Сушона огрызался только из двух орудийных башен...

Но и русским досталось здорово. Как ни берег Винтер своего «Иоанна Златоуста», но и тот вынужден был оставить кильватер – объятый пожарами корабль стал вываливаться из строя, причем в сторону противника. Перекрывая идущим сзади товарищам сектор стрельбы и обеспечивая небольшую передышку противнику. Да и сам схлопотал при этом пару дополнительных одиннадцатидюймовых снарядов.

Надо сказать, что принятая в пробоины вода даже позволила несколько спрямить уже имевшийся крен, но, само собой, увеличила осадку на дополнительных полметра. Только близость базы позволяла надеяться, что броненосец выживет и продолжит войну – о продолжении данного боя речь уже не шла.

А «Гебен» уже просто рвался подальше на глубину, чтобы затопиться там, где его не смогут поднять и ввести в строй под вражеским флагом. У Сушона возникала мысль спустить турецкий флаг – не германский все-таки, но он отмел такую перспективу сразу и бесповоротно: под этим флагом крейсер вступил в бой, под ним же и пойдет ко дну, пусть из-за этого и погибнут лишние десятки, а то и сотни немцев – честь есть честь...

Книпсель же продолжал азартно руководить стрельбой вверенной ему артиллерии. Пусть под его началом оставались лишь две башни, причем в носовой могла действовать только одна пушка, и противоминная батарея, которая тоже была здорово подвыбита, но огня корабль не прекращал до последней минуты, до самого получения приказа «Спасаться по способности!».

Нет, «Гебен» еще совсем не получил таких повреждений, которые грозили ему немедленным опрокидыванием и гибелью. Еще минут с двадцать под ураганным огнем русских бро-

неносцев он бы продержался. Только зачем? Всем, от адмирала и до последнего матроса, что видел сложившуюся ситуацию, было ясно – не уйти...

Только машинные команды линейного крейсера, не знавшие, что происходит выше броневой палубы, продолжали верить, что их самый лучший адмирал вывернется и спасет их...

И слава богу, что находящиеся в низах кораблей верили, верят и будут верить, что их адмирал (командир) самый лучший. Иначе очень трудно становится грести лопатой уголь, обливаясь потом, нести его к пышущей жаром топке, швырять в нее содержимое лопаты, зажмурившись от жара, и снова возвращаться к этой куче черного ужаса, который таскать – не перетаскать. Особенно, когда регулярно ощущаешь, как содрогается корпус от новых и новых попаданий...

– Отдавай приказ открывать кингстоны, Рихард.

– Я это уже понял, Вильгельм. – Командир крейсера впервые осмелился назвать адмирала по имени. – У меня с собой фляжка...

– Давай не будем дышать на тех, кто возьмет нас в плен, алкоголем.

– В плен?.. – Аккерман даже задохнулся от возмущения.

– В плен. Хочешь пойти на дно с кораблем? Я тебе это запрещаю.

– Запрещаете умереть за честь Германии? – Командир «Гебена» посмотрел на адмирала как на предателя.

– Успокойся. Я просто приказываю... ПРИКАЗЫВАЮ жить во имя Германии, во имя ее будущего. – Сушон повысил голос. – Нет времени на споры, а пока выполняйте приказ адмирала, капитан цур-зее! И озаботьтесь тем, чтобы как можно большее количество ваших подчиненных осталось сегодня живыми. Из плена возвращаются, а со дна моря – никогда. Германии еще понадобятся ее сыны. Действуйте!

Аккерману очень хотелось сказать кое-что нелицеприятное «его превосходительству», но впитанная с молоком матери привычка подчиняться своему начальнику победила...

Адмирал остался на мостике один, и ему чертовски хотелось, чтобы именно сюда прилетел русский снаряд и поставил крест на его сомнениях.

Легко умереть в бою... То есть не легко, конечно, но там просто живешь сражением – вспышка – и тебя больше нет... Понятно, что этой «вспышки» боишься до жути, а еще больше боишься, что она будет не «концом», а осколком, вспоровшим живот... Или чем-то подобным. Что она, эта «вспышка», просто обожжет твоё тело так, что потом несколько часов ты будешь молить НЕБО о смерти, чтобы избавиться от этой адской боли. Это тебе еще очень здорово повезет, если рядом окажутся санитары и отволкнут в лазарет – там есть шанс получить укол морфия и умереть не в мучениях...

«Гебен» тонул на относительно ровном киле, но с серьезным дифферентом на нос – сказывалось попадание той пары двенадцатидюймовых, что он получил в почти самом дебюте сражения. Хоть корабль и продолжал жадно заглатывать соленую воду через кингстоны, но равномерного погружения не ожидалось – винты уже показались над волнами Черного моря, и в любой момент мог наступить вполне внезапный «опрокидон». Аккерман приказал немедленно спустить единственный уцелевший катер с ранеными, а остальным немедленно прыгать в воду с подручными средствами и отплывать подальше от борта – он прекрасно понимал, что двадцатитрехтысячетонная туша линейного крейсера при погружении закрутит такой водоворот, что затянет на глубину всех, кто будет находиться хоть сколько-нибудь поблизости...

– Идиоты! Что они делают! – Сушон уже тоже подошел к борту, намереваясь вверить свою дальнейшую судьбу капризам Нептуна, но увидел, что два сопровождавших «Гебена» малых миноносца идут к тонущему кораблю, явно собираясь заняться спасательными работами. Дураку же понятно – вон они, русские эсминцы, что догонят эти доисторические калоши за час-другой и либо утопят вместе со спасенными, либо, что еще хуже, заставят сдаться. Но

уже некому подать сигнал... Уже даже некому выстрелить в их сторону из пушки, чтобы там образумились и прекратили ломать из себя «рыцарей благородного образа»...

К вящему удовольствию адмирала, положение спасли как раз русские: «Беспокойный», ведущий за собой «Гневного», грохнул из баковой пушки, доступно разъяснив наглецам, что спасением (пленением) немецких моряков намерен заняться исключительно флот Российской империи.

На турецких миноносцах намек поняли правильно, но поздно. Они-то, конечно, отвернули и на полной скорости направились к родным берегам, но отпускать даже такую ничтожную по сравнению с «Гебеном» добычу никто не собирался.

Черноморские «новики» имели как минимум семиузловое превосходство в скорости и «раздавляющее» в артиллерии.

Командир «Беспокойного», разумеется, не стал заморачиваться спасательными работами, а повел свой эсминец вдогон вражеским.

Сорока минут погони хватило, чтобы снаряды лучших в мире кораблей своего класса стали ломать и крушить корпуса тех достаточно слабеньких миноносцев, что пришли под Севастополь, надеясь на защиту «Большого дядьки».

«Дядьки» не стало. И теперь никто их не защитит...

Сотдвухмиллиметровые снаряды русских рвали вдребезги и пополам борта «Ташоса» и «Самсуна», так что надолго этих корабликов не хватило: сначала стал заваливаться на борт один, потом погружаться кормой второй...

Глава 8. И прочие «неприятности»...

Спасать моряков «Гебена» было поручено крейсеру «Память Меркурия». Но и он не спешил к месту гибели германца, пока тот все-таки не перевернулся, оседая в пучину.

«Память Меркурия» и «Алмаз», как только пропала опасность получить дурной снаряд от ненормального вражеского комендора-фанатика, дружно пошли к месту затопления, на ходу готовя шлюпки к спуску.

Во время спасательных работ пришли и известия из-под Феодосии: «Карасю» удалось-таки всадить торпеду под клюзы «Гамидие».

Крейсер, подойдя к городу, отправил на берег немецкого и турецкого офицеров, чтобы сообщить о начале военных действий, и они даже дали два часа отсрочки перед началом обстрела порта, чтобы жители успели эвакуироваться из опасной зоны. Но дежурившие в море подводные лодки «Карп» и «Карась» не стали ждать так долго.

«Гамидие» встал на якорь всего в двух милях от позиции «Карася», и лодка не замедлила воспользоваться столь завидным шансом, как стрельба по неподвижной мишени. Подкравшись на три кабельтовых, субмарина залепила аккуратно в то же место, куда попал несколько лет назад болгарский миноносец «Дерзкий» – в носовую часть. Но тогда до Босфора было недалеко, и крейсер, севший в воду по самую палубу бака, смог дотащиться до родных берегов. И в этот раз попытался. Тщетно. Уже на расстоянии тридцати миль от крымского побережья стало понятно, что корабль может взять уже только один курс – вниз. Благо что перед этим не состоялось артиллерийского боя и все катера и шлюпки находились в исправном состоянии. Почти весь экипаж спасся, и большинство из турецких моряков добрались в конце концов до Синопа.

Новость сообщил командующему сам Плансон.

– Неужели все-таки воевать научились, а, Андрей Августович? После Цусимы. – Лицо начальника штаба просто сияло. – Ведь со времен Екатерины ни одного линейного корабля в артиллерийском бою не топили. А тут... Вроде мы первые, кто угробил дредноут. А тут еще и крейсер... Вряд ли дотянет до Турции... Несколько миноносцев... Давненько наш флот так не радовал Россию викториями!

– Да уж, Константин Антонович – врезали мы сегодня тевтонам, – улыбнулся Андрей контр-адмиралу. – Но ликовать пока рано, Турция после такой оплеухи наверняка вступит в войну. Так что можно ожидать из Ставки не только орденов, но и отставки, извините за каламбур.

– Да бросьте! Какой вы пессимист! Я, конечно, помню телеграммы, запрещающие нам любые активные действия, но ведь сегодня напали именно на нас...

– Пока это дойдет до Верховного, великий князь вполне может напринимать решений на эмоциях, а потом из упрямства и нежелания признать свою неправоту... Ну, вы понимаете? К тому же подождем вестей из-под Новороссийска.

– Вот, кстати, Андрей Августович, я признаю, что вы три раза угадали с тем, где появится противник: Севастополь – само собой, Одесса – вполне вероятно, но Феодосия и Новороссийск? Почему не Ялта и Сухум, например? Ладно, с Феодосией опять попали в цель, хоть и не понимаю как, но с какой стати вы так уверены на предмет Новороссийска?

«Нда, – подумалось Киселеву, – «Штирлиц понял, что был на грани провала...» Палево конкретное...»

– Ну то, что Керченский пролив забросать минами – первое дело для противника, вам объяснять не надо, надеюсь? Причем сделать это должен наиболее быстроходный корабль. И сильный. Так что заодно и ближайший наш порт в негодность привести весьма кстати будет. Я где-то ошибаюсь?

«Бреслау» действительно ставил мины в проливе. Забегая вперед, можно отметить, что на этом заграждении в первые же сутки подорвались два русских парохода: «Ялта» и «Казбек».

После постановки крейсер фрегаттен-капитана Кеттнера направился именно к Новороссийску, на поддержку минного крейсера «Берк», который должен был уже обстреливать порт...

Однако «поддерживать» было уже некого: «Берк» подошел на место операции на рассвете, и его командир сразу понял, что угодил в ловушку, из которой не уйти.

Из гавани навстречу показались четыре русских миноносца типа «Капитан Сакен», а вслед за ними и большой крейсер. Таких у России на Черном море имелось только два, и любой из них имел полную возможность не только раздавить артиллерией гибрида миноносца и канлодки, каковым турецкий минный крейсер являлся, но и догнать его в открытом море. А тут еще и миноносцы...

«Берк» принял бы с такими бой один на один, но против четырех, да еще и при приближающемся крейсере, шансов не было никаких.

«Лейтенант Шестаков» и «Капитан Сакен» достаточно быстро нагнали турецкий корабль и стали исколачивать его снарядами, «Капитан-лейтенант Баранов» присоединился к товарищам через четверть часа, а вскоре подоспел и «Кагул» (бывший «Очаков»). Тут уже счет пошел на минуты – шестидюймовые пушки крейсера очень быстро разломали захромавший «Берк», и, когда «Бреслау» подходил к месту боя, все уже было кончено: русские миноносцы подбирали из волн последних турецких моряков.

Ввязываться в поединок с русским шеститысячником для немецкого легкого крейсера было верхом наглости и самонадеянности – на девяносто шесть килограммов бортового залпа германца «Кагул» отвечал более чем тремястами из своих шестидюймовок. И это только из шестидюймовок. Еще имелись шесть семидесятипятимиллиметровых пушек на борту...

Кеттнер благоразумно предпочел не испытывать судьбу со столь грозным противником. Благо что скорость новейшего немецкого крейсера позволяла не только оторваться от погони, но и даже обойти преследователя по достаточно большой дуге.

«Бреслау» ушел.

Он оказался единственным германо-турецким кораблем, уцелевшим в сегодняшней операции...

Глава 9. Похмелье после драки

«... – Только не дайте себя убить...» – всплыло в голове Андрея, когда эскадра возвращалась в Северную бухту. – Типа «я – эльф». Не совсем, конечно, но гарантирована беспроblemная в плане здоровья жизнь на протяжении нескольких десятков лет...

И вот тут начинаешь понимать тех самых эльфов, что сторонились людских проблем в классической фэнтези...

И себя понимать начинаешь. Причем в этом понимании нет ничего принципиально нового со времен Адама: жить хочется, умирать не хочется. Но иногда приходится.

Однако, когда знаешь, что смерть неизбежность, все-таки как-то легче принять ее и в бою, а вот когда тебе, как и эльфам, гарантирована если и не вечная, то, во всяком случае, долгая жизнь... Рвешься в бой уже не с таким героическим настроением – тебе есть что терять. Вернее – ты потеряешь значительно больше остальных...

К чести Киселева, надо сказать, что подобные мысли посетили его только после боя. Но и даже после этого мурашки дружными рядами промаршировали по спине. В горячке сражения не особо пришлось задумываться, что мог натворить дурной снаряд, прилетевший достаточно удачно. Для немцев удачно... Брр!..

– Ваше превосходительство! – прервал мысли адмирала подошедший флаг-капитан Кетлинский. – С крейсеров передали, что из воды принято более четырехсот немцев. Точное количество будет известно позже.

– Спасибо, Казимир Филиппович, подумайте пока, куда мы пристроим пленных в Севастополе. – Еще не закончив фразу, Андрей уже понял, что спорол очередной косяк...

– Но, – сделал круглые глаза каперанг, – уместно ли будет мне вторгаться в сферу ответственности командира порта? Сдадим их вице-адмиралу Маньковскому, а там уж пусть его подчиненные решают, кого в госпиталь, кого на гауптвахту...

– А вы уверены, – стал выкручиваться Андрей, – что у них есть достаточные возможности, чтобы разместить сразу такое количество взятых в плен? Поэтому и предлагаю подумать над резервным вариантом сейчас – на берегу будет некогда. И, разумеется, разговаривать с Николаем Степановичем в этом случае я буду сам.

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – Кетлинский с видимым облегчением перевел дух. Герой Фиумского инцидента характер имел крутой, и задевать его не хотелось совершенно, да и не по чину. – Да! Покровский сообщил, что в числе принятых на борт сам адмирал Сушон. Возможно, вы захотите с ним встретиться?

– Давайте сначала вернемся в Севастополь, – слегка раздраженно ответил Эбергард, – узнаем о состоянии здоровья немецкого адмирала... Да и то не в первую очередь. Нам еще со Ставкой связываться, отчитываться перед ней о событиях сегодняшних ночи и утра... Так что отставить заботу о пленных – вы мне сегодня понадобится как раз по самым злободневным вопросам...

Броненосцы втянулись в Северную бухту под громыхание салюта, которым не преминули одарить победителей как брандвахтенный «Георгий Победоносец», так и береговые батареи. Слава богу, что на берегу хватило ума отрубить ток на крепостном ограждении и эскадра вернулась домой без сюрпризов в виде минных пробоин. «Евстафию» и «Иоанну Златоусту» и так путь был только один – в док. По несколько дырок ниже ватерлинии за время боя оба первых мателота бригады схлопотали.

Да и раненых на борту у того и другого хватало. И позаботиться в первую очередь следовало о них, а не о вынутых из воды тевтонах. Русское гостеприимство тоже свои пределы имеет.

Так что госпитали в первую очередь примут своих, а если кто из немцев «не дотерпит» – значит, не повезло...

Но Андрея волновало сейчас не это. Вернее, это, конечно, тоже волновало, но в первую очередь, когда прошла горячка боя, думалось все-таки о НЕЙ.

Ждет ли она сейчас у Графской пристани вместе с половиной населения Севастополя? Ждет. Не может быть иначе.

А теперь появился и повод лишний раз увидеться: виктория все-таки! Сам бог велел если и не бал, то серьезный прием в Морском Собрании устроить. Ну и пригласительный послать...

Хотя для этого, конечно, нужно для начала с должности не вылететь...

– Здравствуйте! Как ваше здоровье, господин адмирал? – Эбергард, разумеется, не мог не посетить Сушона в госпитале.

– Благодарю. Сносно. Жарок около тридцати восьми, кашель... Но это не страшно. Что с моими людьми?

«Ну да – не страшно... – подумал про себя Андрей, – если воспаление легких получил, то это практически приговор – пеницилина пока еще не придумали, сульфаниламидов – тоже».

– Все в порядке: тяжелораненые здесь, в госпитале, легкие – на нашем госпитальном судне «Петр Великий», остальные сданы гарнизону. Не беспокойтесь – кормят их вполне прилично и никаким репрессиям за вашу акцию они не подвергаются. Прошу принять мои уверения в полном уважении вам и вашим подчиненным: вы бились достойно. Но удача на этот раз оказалась на нашей стороне.

– Я понял, – скривился немецкий адмирал. – Набор дежурных фраз перед поверженным противником.

– Вы совершенно напрасно считаете меня неискренним, ваше превосходительство. И зря пытаетесь оскорбить. Тем более что с больничной койки это делать несложно. Что, недовольны тем, что повержены? Не ожидали? Рассчитывали, что этих глупых славян можно так запросто?..

– Вы не славянин.

– Да, у меня немецкие корни, но я русский. У вас тоже предостаточно офицеров и солдат, которые по происхождению поляки или даже французы. И что? Вы не считаете их немцами? А, кроме того, ваш «Гебен» утопил не я. Это сделали мои матросы и офицеры. И я горжусь, что командую такими людьми. Могу добавить: в Одессе нами уничтожен как минимум один ваш большой миноносец, под Феодосией – торпедирован крейсер, у Новороссийска потоплен минный крейсер...

– Вы пришли, чтобы похвастаться? – Сушон еще до конца не переварил всю ту информацию, что вывалил на него командующий Черноморским флотом, но ему очень хотелось прекратить общение с Эбергардом и обдумать все то, что он услышал. – Господин Эбергард, еще один вопрос: Турция вступила в войну?

– Пока неизвестно. Официальных решений еще не опубликовано. Но думаю, что могу вас утешить – вступит. После всего того, что вы натворили у наших берегов, турки смогут компенсировать моей Родине результаты вашего нахальства только ценой таких унижений в политическом плане, на которые вряд ли пойдет столь гордый народ...

– Значит, все было не зря. – Сушон прикрыл глаза и почувствовал легкую эйфорию. – Даже «Гебен» погиб не зря...

– Если под «не зря», ваше превосходительство, вы подразумеваете лишние миллионы убитых людей и проклятье народов, что падет на головы немцев в результате той авантюры, что вы устроили, то не ошиблись, – с досадой ответил Андрей и хотел добавить: «В остальном же ваша грязная провокация не принесет Германии ничего, кроме вреда. Рейх уже упустил возможность быстрой победы, не сумев взять Париж с ходу, а в долгой позиционной войне у него нет шансов и, по-хорошему, кайзеру пора выбирать момент для почетного мира. Но вступление Турции в войну на вашей стороне создаст видимость наличия еще одного союзника

и ляжет на чашу весов, занимаемую его болезненным самолюбием, что лишь затянет агонию страны, угодившей в трясину войны на два фронта».

Но, взглянув на самодовольное лицо германского адмирала, гордого сознанием исполненного долга, хотя сей «долг» велел обманом кинуть в костер войны еще несколько народов, Эбергард внезапно понял, что все слова напрасны – тот ничего не услышит и не поймет. И еще ему подумалось, что если бы состоялся аналог «Нюрнбергского трибунала» после Первой мировой, то Сушону петли было бы не избежать.

– Кроме того, я пришел вам сообщить, что семнадцать ваших людей, к моему глубочайшему сожалению, все-таки умерли от ран, завтра состоится погребение. Думал, что вы захотите присутствовать...

– Я непременно буду. – Немец приподнялся с койки.

– Вряд ли доктора позволят.

– Да плевать на докторов! – Лицо Сушона и так было красным, а теперь почти мгновенно налилось угрожающим малиновым цветом. – Я обязан там присутствовать!

– Осмелюсь напомнить, что ваше превосходительство все же в плену. И вы не имеете возможности руководствоваться своими желаниями. Смею уверить, что погребены ваши моряки будут со всеми воинскими почестями. Желая скорейшего выздоровления. Честь имею!

– Постойте! Офицеры среди умерших есть?

– Только матросы. И один кондуктор. Всего доброго!

Эбергард вышел из палаты немецкого адмирала и направился в кабинет Кибера – благо что было совсем недалеко.

Глава 10. А в это время...

– Вас ожидают!

Представитель моряков в Ставке Верховного Главнокомандующего капитан второго ранга Александр Дмитриевич Бубнов до жути не хотел переступать порог кабинета великого князя. Тот свою нелюбовь к кораблям и всем тем, кто на них находится, не скрывал никогда... А тут такое...

– Здравия желаю вашему императорскому высочеству! Срочная телеграмма из Севастополя.

– Давайте!

Командующий вооруженными силами Российской империи находился отнюдь не в самом лучшем настроении: вести с фронтов никак не прибавляли оптимизма по поводу перспектив идущей войны. Войск не хватало, винтовок не хватало, пушек тоже, а снарядов к ним...

А тут такое... Еще и Турция!..

Ведь этому Эбергарду русским языком было приказано: «Воздерживаться от любых агрессивных действий относительно Турции!»

А теперь все – турки наверняка вступят в войну и Кавказская армия под ударом. Теперь оттуда не только дивизии – роты не снять, чтобы отправить на Западный фронт... Да еще, вполне вероятно, придется на Кавказ подкрепления отправлять. И пушки... И снаряды, черт побери!

– Ваш адмирал совсем с ума сошел! Ему же было приказано не открывать военных действий против Турции!

– Ваше императорское высочество, – ошалел Бубнов, – так ведь военные действия начали именно турки. В телеграмме же сказано, что они атаковали Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск... Везде отбиты с большими потерями в кораблях...

– Да плевать я хотел на «потери в кораблях»! – Николай Николаевич являлся в данный момент классическим примером психа-самовзвода. – Вы понимаете, господин капитан второго ранга, что из-за нескольких потопленных флотом турецких жестянок нам придется задействовать несколько корпусов на войну с османами?

Кавторанг, разумеется, оставил все матерные комментарии, которые родились благодаря истерике Главнокомандующего, при себе. Но мысли о том, что руководят армией Империи истерики и идиоты, в его сознании поселилась.

– Ваше императорское высочество, – терпеливо попытался убедить Главковерха Бубнов, – напали на наши порты. Одержаны победы, каковых не было со времен Синопа и Наварина...

– Да плевать я хотел на ваши морские победы! Армии от них на данный момент никакого проку. А вот вред ощутимый. Турки ударят на Кавказе, а у нас там сил едва-едва хватит, чтобы их армию удержать. И то не уверен... И это при том, что на западе фронт трещит по всем швам. Я позже передам вам мой ответ Эбергарду. Ступайте!

Бубнов чувствовал себя оплеванным. И не только себя – всех моряков. Вполне можно было представить себе и ответ Главковерха командующему Черноморским флотом – наверняка этот самодур императорских кровей найдет такие слова, что Эбергард и застрелиться может...

Кавторанг заранее отправился к начальнику штаба генералу Янушкевичу, чтобы уговорить того повлиять на великого князя, когда он будет составлять телеграмму в Севастополь.

Янушкевич пришел в ужас. В ужас от того, что какой-то морской штаб-офицер смеет сомневаться по поводу решений самого великого князя. Бубнову был дан от ворот поворот, и Александр Дмитриевич рискнул самолично связаться с контр-адмиралом Ниловым – с тем самым, что регулярно выпивал с самим императором.

Результаты воспоследовали.

На фоне череды поражений громкая победа русского оружия была просто подарком для руководства Империи.

Телеграмма на Черное море из Ставки, конечно, успела уйти, да еще такая...

Эбергард, разумеется, стреляться не стал. И правильно, ибо на следующий же день все газеты запестрели победными репортажами, восхваляющими подвиги моряков-черноморцев.

Собственно, из Петрограда пролился натуральный «золотой дождь»: кресты сыпались на мундиры моряков Черноморского флота просто с небывалой щедростью.

Сам Эбергард получил и чин полного адмирала и орден Александра Невского с мечами, и «Геоργия». Причем сразу третьей степени – на шею.

«Геоργия» непосредственно за сражение под Севастополем, а «Невского» – за организацию побед над противником по всему побережью.

В Турции, кстати, разыгрались события весьма схожие по сюжету с теми, что происходили и в русской Ставке: морской министр Турции Джемаль-паша узнал о произошедшем в ресторане. И не замедлил отреагировать на авантюру немецкого адмирала и ее результаты предельно матерно: «Проклятая свинья Сушон все-таки сделал это!»

Был немедленно отослан запрос в германскую военную миссию, но ее глава, Лиман фон Сандерс, тут же отозвался, что ему не было известно о подготовке атаки русских портов.

В турецком парламенте Джемаль пытался убедить коллег, что война совершенно бесперспективна, что флот не в состоянии теперь обеспечить снабжение Кавказской армии по морю, а сколько-нибудь серьезных дорог в Анатолии для этого не имеется.

Все было тщетно – парламент пятнадцатью голосами против двенадцати проголосовал за войну.

Великий визирь Саид-Халим подал в отставку, но Энвер-паша уговорил его вернуться.

Турция вступила в войну на стороне Центральных Держав.

Джемаль пытался взывать к разуму своих коллег, пытался объяснить, что флот не будет в состоянии обеспечить армию на Кавказе продовольствием и топливом, что грядет зима, что сотни тысяч солдат в Закавказье должны что-то есть, не должны неделями спать при минусовой температуре на голой земле... Тщетно. Играть на национальных чувствах – самое перспективное дело для политика.

Твоему народу живется плохо? Ты не можешь ничего с этим поделать? Покажи ему врага! Желательно другой национальности. И все! Ты уже победил в политике! Ты уже «на коне»! Тебе остается только указывать: «Вон они, «чужие», это они во всем виноваты! Ату их!»

И народ послушно рванет в указанную сторону. Причем не потому, что это «плохой народ». Любой поведется... Любой!

А надо сказать, что практически все страны, вступившие в Мировую войну с самого начала, совершенно искренне рассчитывали на скорую победу своей коалиции и победные парады во вражеских столицах.

И те же самые турки не сомневались, что сомнут силы Российской империи на Кавказе, что там вспыхнут восстания мусульманских народов и наконец-то удастся добиться решительной победы над страной, которая регулярно била Османскую империю на протяжении двух веков. Тем более деньги за это Турции были заплачены Германией еще в июле. Несмотря на то что даже султан Махмуд был в ужасе от предстоящей войны с Россией, государством управлял уже не он. Власть его стала чисто номинальной – всем управляла младотурецкая партия «Единство и прогресс», имевшая большинство в парламенте. И возглавлял ее как раз Энвер-паша, военный министр и ставленник Берлина. А единственная реальная сила в стране – армия – как раз и была в его руках. К тому же еще и в руках германских инструкторов, во главе с фон Сандерсом...

И турки ударили. Ударили, да так, что помощник главнокомандующего на Кавказе по военным делам генерал Мышлаевский пал духом и, бросив порученные ему войска, срочно отъехал в тыл. Мало того, он еще и отдал приказ отступить всей Кавказской армии.

Как жаждал этого отступления Энвер! Он прекрасно чувствовал ситуацию и сказал: «Если русские отступят, они погибли!»

Действительно: отступление в горы в двадцатиградусный мороз, без продовольствия, боеприпасов и медикаментов было для русских смерти подобно... Но иногда и в русской армии находится военачальник, действующий по принципу «Делай, что должно, и будь, что будет!».

Начальник штаба Мышлаевского генерал Юденич не только запретил отступление, но и приказал контратаковать противника...

Из воспоминаний Н.Н. Юденича

Тридцатого октября соединенная турецко-германская эскадра под командованием немецкого адмирала Сушона пыталась обстрелять русские порты, но наткнулась на отпор Черноморского флота и понесла потери. В ответ на враждебные военные акции со стороны Турции второго ноября Россия объявила ей войну. И теперь войска империи разворачивались на всем семисотверстном фронте. Но не это по-настоящему тревожило меня. Развертывание шло в полном соответствии с предвоенными планами, турки после оглушительного разгрома флота сидели тихо, как мышь под веником. Поэтому даже задержка с передислокацией Второго Туркестанского корпуса не особенно волновала. Терзало нервы другое – непонятная интрига с моим назначением на должность, ломавшая все устоявшиеся предвоенные планы. Конечно, назначение командующим Кавказским фронтом графа Воронцова-Даикова было бы актом чисто номинальным. Хороший администратор и опытный царедворец не имел ни военного таланта, ни желания бывать в действующих войсках, фактически с первого дня войны все управление Кавказской армией должно было лечь на начальника штаба. Большого секрета это ни для кого не представляло. Даже просто почтенный возраст царского наместника не позволял ему командовать подчиненными войсками. Но все равно, неожиданный царский рескрипт с моим назначением на должность командующего даже не армией, а фронтом, да еще «с правом отстранения от исполнения должности лиц, которые ему благоугодно будет счесть не подходящими для дела», был беспрецедентным и неожиданным. И это настораживало. Как и полученная из Ставки оценка противостоящих сил турецкой армии. Только сегодня я получил очередную справку о состоянии дел в турецких войсках. Я протянул руку и взял документ со стола, чтобы еще раз убедиться в правильном прочтении: «Третья турецкая армия, непосредственно противостоящая нам, состоит из трех корпусов (9-го, 10-го и 11-го), в составе каждого по три пехотные дивизии, а также отдельной кавалерийской дивизии и четырех конных курдских дивизий. Основные ее силы сосредоточены в районе Эрзурума. Десятый корпус развернут у Самсуна. На днях из Месопотамии начала перегруппировку пехотная дивизия Тринадцатого корпуса. Всего в армии насчитывается около 130 батальонов, почти 160 эскадронов и курдских конных сотен, а также 270–300 орудий. Армию возглавляет Гасан-Изет-паша, начальник штаба – немецкий генерал Бронзарт фон Шеллендорф. Мы полагаем, что это турецкое объединение имеет пока оборонительные задачи...»

А моя... да, теперь уже моя армия пока имеет всего 120 батальонов, часть из которых не до конца отмобилизована, и 127 казачьих сотен и эскадронов при 304 орудиях. Силы равные, если исходить из данных разведки.

Вот только откуда Ставка взяла свои цифры? 100 батальонов и 70 эскадронов и сотен. Превосходство в силах, особенно с учетом того, что, по всем сведениям, один корпус турок, а именно Девятый, находится в Самсуне для отражения возможного десанта. Интересно, как разведке удалось подсунуть турецкому командующему эту рениксу.

«Исходя из имеющегося соотношения сил и средств, учитывая горный театр войны и условия погоды, – подумал я, – в ближайшее время придется ограничиться активной обороной и ведением вдоль границы боевой разведки. Одновременно необходимо завершить отмотелизацию и формирование резервов и готовить наступательную операцию. На Сарыкамыш, как и планировалось».

За три недели Сарыкамышского сражения русская армия практически уничтожила почти все силы турок, что ей противостояли. А их было в полтора раза больше.

Невозможно поверить в те массовые подвиги, что свершали бойцы армии, ведомой генералом Юденичем: полки переходили в декабрьский мороз горные реки по грудь в ледяной воде, километрами шли на врага в снегу выше человеческого роста, кавалерия атаковала по обледенелым кручам...

Но и противник был достойным. Как вспоминал генерал Масловский: «Турки оказывали упорное сопротивление. Полузамерзшие, с черными отмороженными ногами, они тем не менее принимали наш удар в штыки и выпускали последнюю пулю, когда наши части врываются в окопы».

Русский Кавказ смог вздохнуть спокойно, и армия Юденича имела возможность привести себя в порядок и готовиться уже к переносу военных действий на территорию противника.

А тому приходилось ох как несладко: Черноморский флот практически полностью блокировал подвоз угля и керосина к турецким корпусам на данном театре военных действий. В отсутствие «Гибена» и «Гамидие» османы даже нос высунуть в Черное море опасались. У них оставались только два древних броненосца – «Торгут Рейс» и «Хайреддин Барбаросса», каждый из которых уступал по огневой мощи любому русскому кроме «Ростислава», а ход они имели совсем скромный. Новейший «Мидилли» («Бреслау») являлся хорошим «ходоком», но был слабее любого из российских крейсеров, не говоря уже про линейные корабли, которые если и не могли его догнать, то вполне способны подождать у входа в Босфор по возвращении – а деваться-то больше некуда...

«Меджидие» – совсем уже средний крейсерок – ни уйти, ни отбиться от своих «коллег по классу». Минные силы турецкого флота вообще практически ополовинены...

Так что «Сидеть и не рыпаться!».

А армии нужно поставлять топливо, провизию, медикаменты, боеприпасы... А железной дороги на Кавказ нет. Так что только морем. Черным. На котором господствует русский флот...

Глава 11. Это наше море!

К тому же корабли Эбергарда отнюдь не собирались отсиживаться в Севастополе. Уже через неделю флот вышел к Босфору и завалил минами все подходы к нему. Благо что в нынешней реальности вместе с потопленным тогда «Гебенем» «Прутом» не затонуло семь сотен мин. Теперь они использовались по прямому назначению.

Эсминцы, выбежав вперед, обеспечили скрытность постановки, а заградители «Прут», «Алексей» и «Ксения» насажали такие густые и продуманные «грядки», что за первую же неделю на выходе в Черное море подорвались и затонули миноносец «Кютахья», канонерская лодка «Иса-Рейс» и пять пароходов. Еще три судна после подрывов сумели дотянуть до родного берега.

Джемаль уже конкретно «вопил» в Берлин: «Кораблей! Турция не способна воевать при полном господстве русских на морском театре военных действий».

Что мог ответить кайзер? Даже если сойти с ума и отправить в Черное море «Мольтке» или «Фон-дер-Танн»... Совершенная авантюра: можно даже предположить, что он пройдет Северным морем. Ла-Маншем... Но через Гибралтар... А потом еще все Средиземное море, где французы и английская армада броненосцев на Мальте...

В Стамбул полетели телеграммы с обещаниями поставить малые подводные лодки и попробовать уговорить Франца-Иосифа отправить в прорыв к Дарданеллам хоть один свой новый дредноут. Из Вены немедленно последовал категорический отказ. Что и понятно – пытаться пробиться из Адриатики к проливам силами одного линкора представлялось форменным самоубийством, чем и являлось на самом деле. Смешно рассчитывать, что какой-нибудь «Тегетгоф» или «Принц Ойген» сумеет в одиночку «просочиться» без боя мимо флота Антанты, который безраздельно владел Средиземноморьем. Те же французы еще в августе показали, что шутить не собираются, и, ворвавшись в Адриатическое море своими дредноутами, утопили хоть и старенький, но все-таки крейсер под австрийским флагом.

А англичане совсем недавно продемонстрировали свой флаг у греческих берегов: броненосцы «Лорд Нельсон», «Агамемнон», «Куин» и «Иррезистибл» продефилировали рядом с Салониками, недвусмысленно намекая, что Владычица морей держит руку на пульсе... И, в случае чего, способна предпринять необходимые меры.

Эта акция, кстати, очень здорово помогла австрийцам в качестве контраргумента на чуть ли не ультиматум Турции, которая грозила вообще выйти из войны. Энвер-паша обещал даже двинуть целый пехотный корпус из Румелии на помощь австрийцам в обмен на дредноут, который доберется до Дарданелл, но торг окончился безрезультатно.

А тут еще Черноморский флот напомнил о своем существовании...

... – С «Беспокойного» передают: «Три дыма по курсу»!

– Принять влево два румба! Атакуем!

Русские эсминцы, неожиданно вылетев из дождевого заряда прямо навстречу турецкому конвою, смело вклинились между берегом и пароходами.

Опасаться дивизиону из трех «новики» в этих водах было совершенно некого: даже «Бреслау», если бы он набрался наглости и вылез из Босфора, уступал в весе бортового залпа тройке «Беспокойный», «Гневный» и «Дерзкий».

Но командир «Беспокойного», кавторанг Зарудный, прекрасно видел, что ведет за собой отряд в атаку на беззащитные транспорты. Из Зонгудлака в Трапезунд турки пытались поставить как топливо, так и вооружение...

Не удалось.

Вот спрашивается: на что надеялись капитаны пароходов «Безми Ален», «Мехти-паша» и «Бахри Ахмед», когда увидели, что их собираются атаковать три русских эсминца?

Турецкие суда попытались прижаться к берегу и хотя бы затопиться там, где их позже можно будет поднять и, возможно, сохранить свои грузы для Турции. Хотя бы частично...

Номер не прошел: русский дивизион, обладая подавляющим превосходством в скорости, сократил дистанцию до жалкого десятка кабельтовых и демонстративно нацелил на турок все стволы, недвусмысленно дав понять, что разорится и на снаряды, и даже на торпеды, но не допустит того нехитрого трюка, что собирались осуществить вражеские суда.

– Дайте головному турку под нос из баковой, Николай Степанович, – попросил командир «Дерзкого», подошедшего к транспортам ближе всех, кавторанг Молос своего старшего артиллериста.

Орудие послушно рывкнуло в сторону парохода, и фонтан всплеска от падения снаряда вырос в четверти кабельтова по курсу «Безми Алена».

Оказывать сопротивление трем новейшим эсминцам Черноморского флота, да и вообще одним из лучших представителей этого класса боевых кораблей во всем мире из своих малокалиберных пукалок турки, разумеется, не стали и мгновенно застопорили ход. Но и белого флага не выкинули. Впрочем, с мостиков неспешно приближающихся российских кораблей и так было хорошо видно, что команды транспортов спешно покидают свои суда, спуская шлюпки еще до полной остановки и, словно на гонках, гребут к недалекому уже берегу. И лишь когда призовые команды были на полпути к опустевшим транспортам, стала понятна причина торопливости турок. Ход-то они застопорили, но на всех трех судах сначала обозначился легкий дымок, потом серьезный дым, а чуть позже выбросило и языки пламени. Турки подожгли свои корабли, благо запас керосина имелся на каждом, и теперь, справедливо опасаясь гнева победителей, старались убраться подальше до того, как станет понятна их хитрость. А борта оставленных ими судов постепенно садились все ниже и вместе с ними уходили в море надежды командиров эсминцев на трофеи в первом же рейде к вражеским берегам.

Вместе с пароходами ко дну шли не только тысячи тонн угля, но и сотня тысяч комплектов зимнего обмундирования для Кавказской армии, снаряды и патроны для нее же, четыре разобранных самолета. И продовольствие. Солдаты Энвер-паши этого уже не получают, что здорово скажется на боеспособности турецких войск, выставивших штыки против дивизий Юденича.

Но желательно было бы устроить так, чтобы не только грузы, но и сами суда стали неподъемными. Молос вспомнил рекомендации командующего флотом перед операцией:

– Вы, в случае чего, торпед не жалейте. Рекомендую попробовать пострелять ими залпом. Всем дивизионом...

... – Второй и третий аппараты «Товсь!» – загремело на всех трех «новиках».

Двухтрубные торпедные аппараты развернулись в сторону практически беззащитных турецких пароходов. Каждая из десяти торпед (на самом «Дерзком» задействовали только один аппарат), что приготовились прыгнуть в волны, стоила около четырех тысяч рублей (для сравнения – корова всего пятьдесят), но на войне не экономят...

– Пли!

Торпеды одна за другой плюхнулись в воду, забурило море от лопастей их винтов, и десятки килограммов взрывчатки понеслись к бортам и так обреченных пароходов.

Десять начиненных смертью рыбин, сотни килограммов тринитротолуола, более тридцати тысяч рублей отправились на встречу с бортами турецких судов...

Три прошли мимо, одна вообще развернулась и чуть не угодила в борт «Гневного», другая, ткнувшись в борт «Мехти-паши», не соизволила взорваться, но остальные четыре сработали исправно: рвануло на всех трех судах, а на «Бахри Ахмеде» даже дважды.

А ведь русские только начали «творить безобразия» возле Анатолийского побережья...

Поскольку опасаться «Гибена» в данной реальности не приходилось, то крейсера под Андреевским флагом чувствовали себя у турецкого побережья вполне спокойно и комфортно.

И максимально «шестидюймово» обозначили, что ходить привычными маршрутами вражеским судам очень даже опасно.

Транспорт «Ак-Дениз» с двумя батальонами пехоты на борту и под конвоем «Бреслау» нарвался на весь русский крейсерский отряд: «Память Меркурия», «Кагул» и «Алмаз».

Оба шеститысячника немедленно погнали немецкий крейсер к Босфору, а «Алмаз» стал методично разносить в щепки войсковой транспорт – благо что двадцатимиллиметровых орудий атакующего корабля для этого было достаточно с избытком. Турок попытался опять же выброситься на берег, но снаряды с русского крейсера в считанные минуты лишили его хода и привели в состояние, «не совместимое с жизнью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.